

ЛЕВ ТИМОФЕЕВ

ТЕХНОЛОГИЯ
ЧЁРНОГО РЫНКА

ИЛИ

КРЕСТЬЯНСКОЕ
ИСКУССТВО ГОЛОДАТЬ

ЛЗЛ

ЛЕВ ТИМОФЕЕВ

**ТЕХНОЛОГИЯ
ЧЁРНОГО РЫНКА**

**ИЛИ
КРЕСТЬЯНСКОЕ
ИСКУССТВО ГОЛОДАТЬ**

ТОВАРИЩЕСТВО ЗАРУБЕЖНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

1982

США

LEV TIMOFEEV

BLACK MARKET TECHNOLOGY OR PEASANTS'
ABILITY TO SUSTAIN HUNGER

Copyright © 1982 by the Author
and TZP

Printed in U.S.A.

Очерки, помещенные в этой книге, распространялись в России в Самиздате, в рукописном виде, — так попали они и за границу. Были напечатаны, без ведома автора, в журнале "РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ", в №№ 11, 12, 13 и 14 за 1980 и 1981 годы. Эта книга выпускается тоже без ведома автора.

Адрес издательства:

G. HOMJAKOW, 39 Drake Drive,
Bayville, N. J. 08721, U.S.A.

РАСКРЫТИЕ СЕКРЕТА

Смерть Сталина не вызвала в нашей стране больших перемен. Всё же повеяло чуть посвежевшим ветерком, принесшим некоторые изменения. И в литературе, железобетонно-живо прославлявшей "социалистическое строительство", появилось новое, вернее, давно заглушенное: литература о деревне, о положении крестьянства. В газетах, журналах появились произведения таких писателей, как В. Овечкин, А. Абрамов, Е. Дорош, В. Солоухин, Д. Балашов, А. Яшин, В. Шукшин, В. Распутин. По-разному, с разной степенью глубины и значительности, они внесли в нашу литературу изгнанное из нее: правду о небывалом угнетении крестьянства, правду о колхозной деревне. И не задаваясь вопросом, насколько эта литература служила и целям комдиктатуры (без чего, как знаем, там не может появиться ни одна печатная строка), можно удовлетвориться хотя бы констатацией: наша литература совсем мимо чудовишного преступления против крестьянства всё же не прошла.

Лев Тимофеев, замечательная работа которого помещена в этой книге, к крестьянским писателям не принадлежит. Он и в деревню попал — "ловить рыбу, ходить за грибами и писать диссертацию о мелодике русского стиха..." И лишь "случайно я близко увидел жизнь крестьянской семьи и... вдруг с удивлением понял, что вся советская система, начиная от нашего высокомерного правительства и кончая учеными-автомшиками и поэтами-песенниками, живет за счет сельской семьи, как пиявка присосавшись к крестьянскому хозяйству..."

Пораженный своим открытием, писатель внимательно присмотрелся к положению дел в "советском хозяйстве", решая: "... как это может быть, чтобы и дорогостоящая космическая программа и грандиозные, но малополезные хозяйственные начинания у нас в стране, и успешные военные

действия в Эфиопии — всё бы оплачивалось из скромного бюджета крестьянской семьи? Только ли крестьянская семья оплачивает политику партии и правительства? Каков вообще механизм эксплуатации трудящегося человека в условиях развитого социализма?”

Исследуя этот вопрос, автор пришел к выводу, что экономические отношения в стране представляют собой грандиозный чёрный рынок, действующий под строгим надзором партийных управителей. При необходимости они могут чуть ослабить петлю, чтобы граждане “самой свободной” и т. д. страны “вовсе не примёрли”, но в своей упряжке держат их крепко. Этот чёрный рынок и есть “социалистический механизм власти и эксплуатации, самая суть социально-экономической системы”, потребная для возможности властвования верхушки компартии над многомиллионным народом.

Автор делает это заключение, наблюдая жизнь соседей-колхозников, прежде всего великой труженицы Аксиньи Егорьевны, и изучив множество статей и брошюр со статистическими материалами о разных сторонах положения в деревне, — так что его выводы твердо обоснованы и неосновательными или слишком поспешными их не назовешь.

Нельзя не отметить и следующее: очерки Л. Тимофеева проникнуты живым сочувствием и любовью к людям, к жизни, — они продолжают главную традицию русской литературы, в противовес всегда отдающей насилием и ненавистью литературе, скроенной по “методу социалистического реализма”. Очерки Л. Тимофеева местами перекликаются с “Записками охотника” И. С. Тургенева, появившимися 130 лет назад: это как бы “записки охотника эры колхозной кабалы”.

“Записки охотника”, считается, сыграли тогда большую роль в ускорении освобождения крестьян от крепостной зависимости. Сейчас надеяться на это не приходится: партийная “номенклатура” слушается не голоса совести, как слушались её тогда, а лишь соображений охраны своей власти и привилегий.

Г. Андреев

Я — не крестьянин. И никогда не голодал. Случайно я близко увидел жизнь крестьянской семьи и, начав — с малыми целями — записывать события и обстоятельства этой жизни, вдруг с удивлением понял, что вся советская система, начиная от нашего высокомерного правительства и кончая учеными-атомщиками и поэтами-песенниками, живет за счет сельской семьи, как пиявка присосавшись к крестьянскому хозяйству.

Если бы я так удивился в двадцатых годах, мне бы сказали, что я просто ослеп: тогда все знали и едва ли не во всех газетах писалось, что пролетарское государство не может существовать, не ограбив крестьянина, другое дело, что одни принимали это с восторгом, другие вовсе не хотели принимать, — но знали-то все. С тех пор знания эти несколько позатерлись временем и разговорами по поводу всенародного государства, но сама зависимость системы от крестьянина осталась, — изменилось только наше представление о ней. Если в двадцатых годах страна знала, как живет деревня, то теперь, пятьдесят лет спустя, всё заслонил собою давно отработанный образ процветающего колхозника, который никак не вяжется с хозяйственной деятельностью. Впрочем, доверчивые дети социализма, мы, кажется, и не слишком озабочены тем, чтобы увязать наши представления с реальностью.

Мы, горожане, не знаем деревни, не знаем законов, по которым живет крестьянин. Ложь и предрассудки заменяют нам знания о сельской жизни и передаются из поколения в поколение. И редкий случай, чтобы какой-нибудь потомственный или хотя бы недавний горожанин застыдился бы своего самодовольного незнания, своего пренебрежения к труду, к судьбе крестьянина. Само это

незнание, само пренебрежение не замечается, и с течением времени не только не прозреваем мы, но, кажется, все сильнее порошит нам очи...

«Да уж теперь-то крестьянин сыт! — заявляют даже наши интеллигенты, которые лет десять-пятнадцать назад считали себя приверженцами деревенской темы, были озабочены судьбой сельской России и до сих пор выписывают журнал «Новый мир». — Уж теперь-то наступил *сытый день* крестьянина», — говорят они, полагаясь, видимо, на очерки в журнале.

Отчего же только теперь? В нашем представлении — *так-то* он всегда был сыт. С детства помню странный анекдот, злой, рассказанный кем-то у нас в семье, среди горожан. Будто бы в первую послевоенную денежную реформу крестьянин принес в сберкассу мешок денег — менять. Посчитали — рубля не хватает до ста тысяч. «Вот, черт возьми, не тот мешок прихватил. В том — точно сто», — подсадовал крестьянин.

Откуда у крестьянина в голодное время мешок денег? Только вместе с недоумением и запомнилась сама эта история — с её, я бы сказал, сталинским взглядом на крестьянина: сколько ни драть, всегда есть что брать. Или нет, не столько недоумения в этом анекдоте, сколько надежды: если у крестьянина есть *мешок* денег, значит, в государстве все в порядке, значит, и за себя можно не беспокоиться, и страна проживет — значит, *есть где брать*, есть и что брать.

Пока жив человек, у него всегда есть что брать. Для нашего государства и вопроса такого нет: брать или не брать у крестьянина? Хоть и последнее — БРАТЬ! И как можно больше... Но как? И тут не один вопрос, но целая их цепочка, круг.

Как это может быть, чтобы и дорогостоящая космическая программа, и грандиозные, но малополез-

ные хозяйственные начинания у нас в стране, и успешные военные действия в Эфиопии — все бы оплачивалось из скромного бюджета крестьянской семьи? Только ли крестьянская семья сейчас оплачивает политику партии и правительства? Каков вообще *механизм* эксплуатации трудящегося человека в условиях развитого социализма? В этом кругу и все крестьянские вопросы.

Марксов политэкономический анализ у нас не годится: классические законы капиталистического производства, законы открытого рынка для нас недействительны — ни того, ни другого у нас просто нет... Но вообще без рынка можно обойтись лишь в теоретических построениях советских политэкономов: человеческие потребности столь обширны и многообразны, что не могут уместиться ни в какие нормы, разрядки, ни в какие *сверху* спущенные планы. Вне планов и разрядок ищем мы живого *экономического отклика* на сам факт своего существования. И находим.

Чем дольше длится относительно спокойное время вне войны, революций и массовых репрессий, тем чётче наша социально-экономическая система проявляется как чудовищных размеров и размахов *чёрный рынок*.

Чёрный рынок живет и развивается — у всех на виду и для всех очевидный. В границах его связей и отношений можно накормить страну картошкой или построить тепловоз, определить сына в университет или купить диплом агронома, отремонтировать трактор или найти место на «лимитном» московском кладбище. Все продается и все покупается вне планов и разрядок. Ты — мне, я — тебе... Но кому достаются прибыли? Ни мне, ни тебе — мы-то никак из нищеты не выйдемся.

Иногда кажется, что чёрный рынок,— всё это искусство дышать в петле запретов и ограничений, вся эта простодушная хитрость, этот кооператив нищих,—

нами придуман, что мы тут обманули советскую власть: нам — колхоз, а мы приусадебное хозяйство; нам — дефицит и распределение по карточкам и талонам, а мы — взятку и товары через заднюю дверь; нам — постную пятницу в заводской столовой, а мы — кроликов разводить в городской квартире; нам — бесплатно плохого врача в конце длинной очереди больных, а мы — с подарком и без очереди к хорошему... Словчили? Дудки!

Когда надо, власти и приусадебное хозяйство прижмут запретами и налогами (так было!), и кроликов из городских квартир милиция повытрясет, и за подарки врачу сроки давать будут. Раз терпят, значит, всем выгодно. Раз терпят, значит, без этого и власти не удержатся. Нас тут отпустили слегка, чтоб вовсе не примёрли, но на вожжах держат.

Чёрный рынок — не лазейка, не потайная дверца в стене, которую мы хитро пробили. Чёрный рынок — и лазейка, и сама стена.

При беглом взгляде кажется, что чёрный рынок существует побочно от плановой экономики, что в экономической жизни он явление второстепенное. Но нет! Посмотрев внимательнее, увидим, что как раз чёрный рынок составляет основу советской экономики, стержень, на котором крутится планово-разрядочная хозяйственная постройка.

Чёрный рынок — это социалистический *механизм* власти и эксплуатации, самая суть нашей социально-экономической системы — именно он обозначился в последнее время.

Ценности, которые здесь циркулируют, поддерживают существующий политический и социальный порядок. Как именно поддерживают? Куда движется общество? Этого мы не поймем, пока сам чёрный рынок не понят

Понять технологию тем более необходимо, что это и есть реальная *политэкономия социализма*. Иной экономической реальности при нынешних политических условиях мы не знаем. Да и возможна ли она? Запрет на частную инициативу порождает спекуляцию, коррупцию, тайную эксплуатацию,— это подтверждено всей шестидесятилетней историей нашего государства. И трудно предположить, что может быть как-то иначе, в какой бы стране ни был повторен советский эксперимент...

Но как раз понимать-то мы не вполне готовы. Советское общество по сути своей — совершенно небывалая в истории социально-экономическая система (какие бы аналогии не приходили в голову исследователям), и для анализа здесь необходим новый инструмент, новые понятия. У нас их пока нет. Поэтому мы вынуждены начать не столько с анализа, сколько с описания. Не столько с научного мышления, сколько с образного восприятия, с изложения личного опыта, индивидуальной судьбы. Может быть мне, журналисту, взяться за такую работу — между фельетоном и наукой — было несколько проще, чем кому-то из серьезных ученых.

С чего же начать? С чего мы *можем* начать? Есть лишь один сектор *чёрного рынка*, разговор о котором под угрозой всеобщего голода разрешен в последнее время и даже поощряется: приусадебное хозяйство крестьянина. Оно-то и интересует нас в первую очередь. С крестьянского двора и начнем...

I

27 марта прошлого года я приехал в деревню в слепую метель. В тот же день, но без моего участия

похоронили Аксицию Егорьевну Ховрачёву. Я даже видел, как ее хоронят, а не пошел,— не понял, что похороны, не спросил, кто умер. Совсем рядом со мной промелькнул ее гроб, и я еще боковым зрением увидел сосновые доски, а понять, что это за доски и кто их несет — не понял, не различил в плотном, косом снегопаде. Торопился домой, в тепло,— торопился уйти от метели. Подумал, плотники встретились. Мало ли кто строится, дом поправляет. Или вообще ничего не подумал... А провожатых за снегом и вовсе не увидел... Или увидел провожатых, но не увидел гроба: толпа и толпа,— может, тихая свадьба такая, а может, селедку в магазин привезли,— метель гнала мимо чужих забот.

Только вечером пришли, рассказали кому и какой дом построили, что за тихую свадьбу сыграли...

Я познакомился с Аксицией Егорьевной Ховрачёвой, а заодно и с мужем ее Александром Авдеичем по прозвищу Кутёк, много лет назад, когда купил в деревне по соседству с ними избу и впервые приехал на несколько месяцев, чтобы ловить рыбу, ходить за грибами и писать диссертацию о мелодике русского стиха.

Самое первое знакомство состоялось в дождливый осенний день,— для меня на всю жизнь особенный, как непонятный и до сих пор непонятый вязкий кошмар, а для Аксиции Егорьевны, может, и не единственный такой,— когда пьяный Кутёк, избив ее до сумеречного сознания, за волосы выволок во двор и свободной рукой стал шарить вокруг — топор искал, казнить собирался на виду у четырех оцепеневших дочерей.

Убил бы, если бы не помешали? Кутёк-то вряд ли убил бы — очень уж он жалкий и тщедушный мужичишка был. Он и не думал убивать — так,

тешился... Однако, пьяного кто разберет? Сама же Аксинья Егорьевна рассказывала: за год до моего первого приезда в Гати один тоже потешился пьяный, троих детей своих сжег, ночью старательно со всех углов избу запаливал. Жену его спасли, в огонь обратно не пустили, и тогда она, вроде еще не успев обезуметь, призналась, что сама во всем виновата: это Господь наказал ее за *аборты*. А на аборты она ездила из-за того, что от пьяного последний ребенок родился совсем *простой*, — его на третьем году жизни в больницу сдали. Он-то один и уцелел.

— Сколько ей нужно было простых родить, чтобы те трое жить остались? — спросила Аксинья Егорьевна... Впрочем, на моей памяти это был единственный случай, чтобы она на что-то всерьез роптала.

В течение многих лет мы прожили соседями с Аксиньей Егорьевной, двор ко двору. Я видел нечастые дни ее радости, вроде того, когда вышла замуж третья дочь, глухонемая Рая, — вышла за хорошего, скромного парня, работающего милиционером в Рязани. Я видел, как гордо ходила Аксинья Егорьевна по селу, показывая родным и знакомым диплом, полученный младшей дочерью Анной, — та выучилась на зубного техника. Я видел, как отказалась она проехать по сельской улице на новеньком «Москвиче», когда один-единственный раз приехал навестить её сын — строитель-монтажник, работающий не то в Египте, не то еще где-то в Африке. В машину не полезла, застыдилась чего-то, но пока машина из конца в конец ездила по селу, с улицы не уходила — от соседей и от прохожих принимала поздравления...

Я слышал, как убивалась, как причитала она, когда умер ее Александр Авдеич. На кладбище вроде дочерью оберегалась, а все же у них на руках лишилась сознания

от горя. А дочери плакали сдержанно. Так ли они любили покойного, как мать любила? Так ли жалели его, как она жалела?

Но сколько ни была Акси́нья Егорьевна щедра душой в радости и в горе, безропотна в обиде и страдании, больше этих свойств души меня поражал ее многообразный и великий хозяйственный талант, ее безграничная трудоспособность, умение годами работать без отдыха.

Лет двадцать назад, когда в Гати провели электричество, кто-то из взрослых дочерей прислал ей счётчик. Счётчик приладили, и оказалось, что за все лето Акси́нья Егорьевна нажгла электричества на 8 копеек. Она вставала с первым светом и ложилась едва начинало темнеть. Усталость от чрезмерного труда не пускала праздно засиживаться вечерами, а были все труды вне дома — в колхозе, на своем приусадебном участке, на лесных полянах в сенокос... Не знаю, как зимой, но начиная с мая месяца и по октябрь вечерний свет нужен был Акси́нье Егорьевне только затем, чтобы не в темноте постель разобрать, да кошке налить молока в блюдце, не пролить мимо трясущимися от усталости руками.

Из года в год хозяйственные усилия Ховрачёвых заставляли меня все с большим уважением относиться к тому искусству, с которым крестьянская семья избегала нищего рабства, хотя всё, что ей осталось для хозяйствования — крошечный участок приусадебной земли,— и скот держать почти невозможно из-за бескормицы, и десятилетиями не было ни колхозных, ни каких других заработков на стороне. Как бы то ни было, но Ховрачёвы оставались семьёй крестьянской — то есть такой, которая *своим* трудом на *своей* земле — какая она ни есть — и себя кормит, и весь народ. И Акси́нья Егорьевна слыла главой семьи.

Двадцать лет без мужа она тянула всё хозяйство и привыкла надеяться только на себя. Да и раньше, когда муж еще жив был, от него толку выходило немного — смолоду пьянствовал, а к старости всё болел. Так что не двадцать, а считай все сорок пять лет она одна всех кормила, одевала, ставила на ноги. И дети все выросли, все выучились, каждый в жизни по-своему устроился. И всех Аксинья Егорьевна кормила не с каких-то волшебных доходов и уж, конечно, не от колхозных хлебов, которых для нее просто никогда не было, а со своего огорода, с сорока соток земли — от черёмухи у одного забора до яблони у другого, да вдоль восемьдесят шагов — всё, что оставили власти крестьянской семье после коллективизации. Тут она работала сама и заставляла работать детей. Это было её поле, её надежда, а больше надеяться было не на что — только на себя и на эту землю. Что бы стала она делать без этого огорода с восемью ртами в семье? Ничего. Без этого огорода прожить было нельзя.

Пока есть своя земля и дом на земле, она самостоятельная хозяйка — как работает, так и живет... Земля-то, конечно, не ее, а считается колхозной или даже государственной и только за отработку в колхозе полагается, но Ховрачёва Аксинья и в колхозе навечно на Доске почета оставлена, всюду труженица была.

О том, как она работала в колхозе, я слышал чуть ли не легенды. Да я и сам хорошо помню те времена — лет пятнадцать назад, — когда она еще ходила на работу. Ей тогда уже было за шестьдесят... Каждое утро перед домом останавливался бригадир, и, не вылезая из своей брички, кричал:

— Окся! Выходи сор рвать!

Это «сор рвать» он кричал как одно слово «сорвать», и получалось, что он зовет Аксинию Егорьевну для какой-

то пустяшной работы: где-то что-то надо сорвать — цветок ли, травинку ли — и можно возвращаться. На самом же деле речь шла о прополке, об одной из самых трудных и нудных работ в полеводстве: на солнцепёке, согнувшись, постоянно на ногах, постоянно в движении, и не видать, где остановишься, поскольку вручную прополоть все колхозные поля невозможно — пока до крайней межи дойдешь, на первой все как прежде выросло.

Вечером природа трудолюбия в колхозном поле становилась совершенно понятна: Акси́нья Егорьевна возвращалась и везла с собой тележку, полную сорной травы. Кроме начисленных трудодней, которые неизвестно когда и как оплатятся («да и оплатятся ли нынешний год?»), трава была главным призом за работу: сорняки разрешалось брать себе,— жесткое сено годилось на корм скоту, и я думаю, что и не требовался интерес более привлекательный,— с сеном всегда было трудно.

Да и вообще главным в колхозных заработках были не деньги — на трудодень только последние лет десять стали платить хоть какими-то деньгами,— и даже не натура, хотя три-четыре мешка ржи, случавшаяся иногда годовая плата за каторжный крестьянский труд, имели для семьи большое значение,— главным было право на покупку соломы и сена для личного скота, право на сенокос, и, наконец, самое главное право — право на приусадебный участок, на полгектара земли, *право на приусадебное крестьянское хозяйство*. Случалось, что в колхозе работали совсем задаром, без денег и без натуроплаты, но зато правами своими пользовались, ибо иначе нельзя было реализовать другое, не властями данное право — *право на жизнь*.

«Если у вас в артели нет еще изобилия продуктов, и вы не можете дать отдельным колхозникам, их семьям всё, что им нужно, то колхоз не может взять на себя, чтобы и общественные нужды удовлетворялись, и личные»,— учил товарищ Сталин в 1935 году.¹⁾

Крестьяне составляли в те годы три четверти населения страны, но крестьянское — не общественное. Крестьянская семья как бы вне общества. Её нужды не заслуживали внимания. «Колхоз не может взять на себя...»

И не брало на себя государство никаких забот о крестьянах, о крестьянских семьях. «В 1939 году около 16 тысяч колхозов не оплачивали труд в деньгах, 46 тысяч колхозов выдавали только по две копейки на трудодень, около 9 тысяч колхозов не выдавали зерна на трудодни». ²⁾ За этими цифрами официальной статистики уже треть всех колхозов, шесть миллионов крестьянских семей. Сколько голодающих за этими цифрами? Неизвестно, как неизвестны нам данные о голодающих и в тех колхозах, где выдавали по 3-4 копейки и по полкило зерна на трудодень.

Да может быть, и не так уж много народу голодало в предвоенные годы, меньше, чем в кладбищенском тридцать третьем,— научились уже к тому времени кормиться, рассчитывая только на приусадебное хозяйство. Но и государство училось все крепче, все безысходнее прижимать крестьянина, отнимать личное в пользу «общественного»: в 1939 году после очередного пленума ЦК партии у крестьян было отнято более 2,5

---

¹⁾ Второй Всесоюзный съезд колхозников-ударников. Стеногр. отчет, стр.1.

²⁾ Г.В.Дьячков. Общественное и личное в колхозах. М., 1968. стр.22.

миллионов гектаров приусадебной земли — излишки, отвлекают от общественного хозяйства, позволяют сохранить хоть какую-то независимость...

Благополучие или хотя бы только сытость крестьянской семьи вообще казались властям совершенно необязательным, а может быть даже и вредным излишком, и потому колхозник не только лишался всего, что производилось его трудом в колхозе, но и приусадебный участок, приусадебное хозяйство, кормившее семью, было жестоко обложено. Каждый крестьянский двор, независимо от состава семьи, сдавал обязательные поставки молока, мяса, яиц, шерсти, кож. Да еще и денежный налог — кто сто рублей, а кто и больше. Этот денежный налог был удивительным изобретением советского фиска: налог всё на те же сданные государству продукты, *налог на налог*.

Спрашивали жестоко: «...по истечении срока уплаты налога опись имущества недоимщика и дело о неуплате налога передается в народный суд, по решению которого производится изъятие имущества неплательщика в количестве, необходимом для погашения недоимок...»³⁾ Но где же взять деньги, если колхоз ничего не платит? А все там же искать их, в приусадебном хозяйстве: продавать продукты, даже если сами голодны, — на рынок!

Но как ни беспросветна жизнь Аксины Егорьевны и ее односельчан была в первое десятилетие после коллективизации, как ни нище было русское крестьянство к 1941 году (а среднерусским крестьянам, сидящим на скудных почвах, всегда жилось особенно тяжело), как ни лишен всякого смысла становился

---

³⁾ «Закон о сельскохозяйственном налоге» от 1 сентября 1939 г., ст. 346.

крестьянский труд на земле, — война добавила страданий и разорила крестьянство вконец. Первые пятнадцать послевоенных лет были такими, что если и не каждый год скажешь: *голод*, — то все-таки и без сурового недоедания ни одного года не прожито... Но все эти годы оброчные поборы со двора колхозника продолжались, и проплывали мимо голодных детских глаз и молоко, и мясо, и яйца. Крестьянские дети — забота не общественная.

Оброк этот номинально был отменен в 1958 году. Но местным властям сразу же «довели» план по закупкам все тех же продуктов, от выполнения плана зависело служебное благополучие работников сельсоветов, и они всеми способами, вплоть до прямого физического насилия, заставляли крестьянина сдавать, — номинально же, продавать по самым мизерным ценам, — столько, сколько было на деревню разноряжено, — и продавали, куда денешься? Ведь сунешься уехать — не пустят, паспорта не дадут. А без паспорта нигде ни жить, ни работать не примут. Крестьянин был «крепок» колхозу своему.

Даровой труд в колхозе, денежный налог, натуральный налог. Аксиныя Егорьевна хорошо помнила, чем заплачено за право на приусадебное хозяйство, за право на жизнь. Помнила, а вот рассказать никогда не могла, хоть и пыталась как-то, — плакать начинала: всё-таки шестеро малых в доме было. Голодных детей и через двадцать лет, и через тридцать вспоминать страшно. Даже если, Бог дал, никто из них не умер.

Теперь Аксиные Егорьевне не надо больше подтверждать свои права: у нее пенсия двадцать рублей от государства и десять от колхоза. Это, правда, ниже самой низкой пенсии городского жителя, — что-то около

того, что инвалиду с детства дается, — но зато огород остается за колхозным пенсионером, куда тот живет в деревне и куда вообще живет еще. И если на старости лет с огородом справишься, — весь рыночный доход — твой. Много ли ей одной надо?

Младшая дочь звала Аксинью Егорьевну в город и даже настоятельно просила получить паспорт, выписаться и приехать, поскольку мужу ее обещали свою квартиру, и приезд матери, а там, может быть, и скорая смерть ее — человек все-таки немолодой — сулили лишние метры жилплощади. Но как ни привыкла Аксинья Егорьевна в последние годы бывать в городе, как ни жалела дочь, мысль, что останется без своих сорока соток земли, где она из года в год сажала, а потом и продавала картошку и еще на маленьких грядках огурцы, помидоры и все необходимые овощи, — эта мысль выводила её куда-то в сироты и казалась ей совершенно невозможной.

Поэтому я не удивился, когда в какой-то из моих приездов в деревню Аксинья Егорьевна пришла с чистым листом бумаги, с конвертом и еще с одним клочком бумаги, на котором был записан адрес дочери:

— Напиши им, что летом я точно не приеду, — сказала она, — пусть не обижаются. Скажи, земля не пускает. Куда я от своей картошки поеду? Нынче, говорят, за килограмм по десяти копеек в сельпо принимать будут. Да и им самим в городе картошка нужна будет, — поди, подорожает там-то...

Она молча сидела, пока я писал, молча выслушала, когда я перечитал письмо вслух, но принимая уже готовый, заклеенный конверт, вдруг невпопад спросила:

— Кто же это нас такой жизнью каторжной наказал? — так просто спросила, словно я и мог, и

обязан был так же просто в нескольких словах и ответить... Но нет, не ради ответа спросила. Да и не вопрос это был, вздохнул человек от усталости...

II

От Гатей, деревни, где жила Аксинья Егорьевна, до Посадов всего-то километров двадцать по прямой, но если Гати — с первого взгляда — деревня бедная, деревянная, под шиферной щепней, а кое-где и под соломенной, то в Посадах и бревенчатых избушек, кажется, ни одной не осталось — все каменной кладки дома, просторные по сельским понятиям, в две-три комнаты, с большими окнами, с огромными дачными террасами и непременно под оцинкованной крышей. Весной вся эта роскошь волшебным образом исчезает, делается невидимой за белорозовым дымом цветущих садов, а осенью наоборот: белокаменные стены и зеркальные крыши далеко видны на черных от дождя речных берегах. Откуда такое богатство на нищих просторах?

Никакой тайны, никакого волшебства. В Посадах все доходы от приусадебных участков. В огороде здесь не сажают ни картошку, ни лук, ни капусту, а одни только ранние огурцы. В июне урожай созревает и на попутных машинах отправляется на рынки Москвы, Рязани, Пензы, а бывает и еще дальше, благо село расположено рядом с шоссе. На те же рынки ближе к осени везут яблоки...

Имея в своем распоряжении даже самый крошечный участок земли, крестьянин всегда будет стремиться вести не натуральное хозяйство, но товарное, рыночное, поскольку потребности его семьи значительно шире потребностей в простейших продуктах питания, которые можно получить в своем хозяйстве.

В хорошие годы один приусадебный участок в Посадах дает до пяти тысяч рублей. И выручив эти деньги, посадские уже в соседних деревнях покупают и картофель, и лук — и все остальное, что необходимо для личного потребления. Пять тысяч на семью в четверть-пять человек — не ахти как много, но всё же и чистая выручка не вся уходит на питание. Да теперь и в колхозе какие-никакие, а всё-таки деньги платят: хороший механизатор тоже тысячи полторы, а то и две в год имеет.

Наша знакомая Акси́нья Егорьевна всякий раз, еду́чи из города, где гостила у дочери, мимо Посадов, так бывала поражена разницей в доходах, что воображение доводило эту разницу и вовсе до нереальной величины:

— Как люди живут! Я как-то зашла к одним напиться,— чего у них только нету! Даже через дверь видать. Подумай, телевизор в сених стоит — это уж значит, что они его совсем не ценят. «Этот, говорит, мы смотрим, когда большой сломается». А большой у них в горнице показывает... Откуда ж эти деньги берутся? Мы вон тоже работали, а всю жизнь в деревянном срубе прожили, словно в колодце просидели.

— Знаю я этот дом,— возразил было я,— там хозяин подрабатывает починкой чужих телевизоров. Должно быть, в сених-то чей-нибудь сломанный стоял?

Акси́нья Егорьевна промолчала,— она спорить не любила, но видно было, что она осталась при своем мнении о размерах богатства посадских крестьян, исчисленного в телевизорах...

В другой раз где-то по дороге она увидела огород, сплошь занятый капустой,— и это поразило ее:

— Зачем столько? Или нерусские — одну капусту едят?

— Может быть, на продажу?

— Да чего уж там продавать? Капуста по тридцать копеек кочан. Ну, пусть две тысячи кочанов,— шестьсот рублей весь доход. Да мы иной год и на картошке столько-то выручали, да еще себе и скотине на всю зиму хватало. Так ведь картошка! А с капустой возись: весной поливай, летом червяков обирай... Нет, не выгодно.

Аксинья Егорьевна хоть и была неграмотна, и в колхозе, конечно, никаких иных работ, кроме работы руками ей не доверяли, но меня всегда удивляло, как точно она считает и высчитывает в своих повседневных делах.

— Постой! А может быть, они ее квашеную продают? — эта новая идея совершенно повернула ход ее рассуждений. — Ну, да — квасят! А за квашеную капусту на базаре и по пятьдесят и по восемьдесят копеек ломают. А перед праздником и по рублю кило. Да она и тяжелее, квашеная-то: в ней соль, а соль из воздуха воду берет. Вот ведь чем торгуют! Вот они где, деньги-то! Тут уж доход на тысячи считай. А велик ли труд заквасить капусту? Любая старуха справится...

Все эти открытия сильно взволновали её, и я даже подумал, не займется ли моя соседка на старости лет производством квашеной капусты, чтобы иметь возможность купить большой телевизор.

Я давно знал за ней постоянную готовность пустить в оборот единственный наличный капитал — собственные рабочие руки. Это не раз давало ей возможность выгодно продать картошку или задаром наносить с молзавода — на поило скотине или даже на постный сыр для себя самой — обрата.

Кажется, и теперь она была близка к тому, чтобы войти в дело, такая идея приходила ей в голову, поскольку на следующий день она была несколько

опечалена:

— О капусте-то говорили,— напомнила она,— так нам капуста не годится. Первое, что мы от шоссе далеко: капусту хорошо зимой продавать, а у нас как заметет, так из сугробов не вылезешь. Если какой шофер согласится, так на него все капустные деньги и уйдут. Да хоть бы и была дорога — все равно плохо. Для этого дела свой инструмент нужен: вручную столько не нашинкуешь. Бочки нужны. Одних бочек штук девять — меньше невыгодно. Для бочек большой погреб нужен... Ну, и еще привычка нужна. Без привычки столько капусты не вырастишь — или червяк сожрет, или еще что-то случится... Те-то, поди, не первый год капусту сажают, привыкли...

Те привыкли, иные не привыкли. Объяснение не такое уж наивное, как кажется на первый взгляд. Привычка, а другими словами, традиция и опыт, долгосрочное из года в год. приложение невеликого крестьянского капитала — труда и знаний — к одному и тому же делу в приусадебном хозяйстве имеют особое значение: сельский житель напрасно рисковать не станет и никаких новшеств на приусадебном участке вводить от себя не будет — слишком дорог ему урожай *со своей* земли.

Впрочем, я уверен, что не одной только Аксинье Егорьевне пришла в голову идея выйти на рынок с квашеной капустой или еще с каким-нибудь товаром более доходным, чем традиционная картошка. Но под неусыпным контролем государственной власти, не раз ужесточившей свою политику по отношению к приусадебному хозяйству, нужно особо благоприятное стечение обстоятельств, особое доверие к обстоятельствам, чтобы решиться на хозяйственную инициативу. Крестьянин, хоть и цепок, когда дело отлажено, но осторожен.

Эта, казалось бы, побочная для колхоза, но основная для колхозника крестьянская жизнь требует значительно более ответственного подхода к делу, чем в отработочном колхозно-совхозном хозяйстве, где что ни прикажут сверху, какую глупость ни спустят, — всё исполняется вмиг, на пользу ли, во вред ли урожаю, — никого не заботит... Здесь же крестьянину принадлежит и инициатива, и капитал, и средства труда, и весь конечный продукт. Здесь он — хозяин. Здесь он — человек. Здесь он как бы микромодель того хозяина, каким мог бы стать, если бы не отобрали у него в 30-м году скот и землю, оставив с игрушечным приусадебным хозяйством.

Крестьяне зарабатывают возможность жить хоть как-то сносно, поскольку могут часть своего рабочего времени, часть своих сил реализовать в иной хозяйственной системе — не в гласно-социалистической, разрядочной, а в рыночной.

Крестьянский рынок сужен до размеров базарной площади, исковеркан феодальными отношениями личной зависимости колхозника от административной власти, имеет вообще вид придатка к тому главному базару, где торгуют партийными должностями и демагогическими ценностями, вроде посулов всеобщего народного блага и скорого торжества идей коммунизма... и все-таки это рынок, и ни что иное. Рынок, без которого социалистическое государство обойтись не может.

При первом знакомстве цифры потрясают: на приусадебных участках, по разным подсчётам занимающих лишь *два с половиной* или даже *полтора* процента всех посевных площадей страны, в крестьянских хозяйствах, обладающих лишь *одной десятой* всех производственных фондов сельского

хозяйства производится *треть всего* сельскохозяйственного продукта. Таковы данные официальной статистики.⁴⁾

Но официальная статистика молчит о том, что не менее трети сельскохозяйственной продукции, произведенной в колхозах и совхозах, ежегодно гибнет из-за потерь в поле, при транспортировке, при складировании, при первичной переработке. По некоторым данным, например, гибнет до половины всего картофеля...

Официальная статистика, исчисляя валовый продукт в стоимостном выражении, конечно же молчит о том, что государственные закупочные цены на зерновые, которые производятся, в основном, колхозами и совхозами, значительно завышены, а цены на мясо, овощи, картофель, то есть на продукты, которые наиболее широко распространены в крестьянских хозяйствах,— занижены.

Официальная статистика молчит о том, поскольку в противном случае пришлось бы признать, что в совокупном объеме *потреблённой* сельскохозяйственной продукции доля приусадебных крестьянских хозяйств с их полутора-двумя процентами пахотной земли намного больше половины. Да что там, в прибалтийских республиках доля приусадебных хозяйств в совокупном сельскохозяйственном продукте и по официальной статистике составляет почти половину: в Литве, например,— 43,6%. В то же время «в семьях колхозников Литовской ССР в 1971 году 50,5% общих доходов было получено из личного подсобного

---

⁴⁾ Г.И.Шмелев. Личное подсобное хозяйство и его связи с общественным производством. М., 1971., стр.11.

хозяйства.»⁵⁾

В этих цифрах — позор советской хозяйственной системы и несчастье крестьян, чья инициатива, чей талант скованы размерами приусадебного огорода и огромным количеством административных запретов... Несчастье крестьянское, но и надежда.

Продукция крестьянских хозяйств кормит всех сельских жителей — 40% населения. Но мало этого. Даже согласно официальной статистике здесь производится половина всего товарного картофеля, не менее трети товарного количества яиц, треть товарного мяса,— то есть продукты, которые продаются и накормят значительную часть городского населения. Нет, без крестьянских хозяйств социалистическая экономика и дня не проживет.

Оказалось, что экономику невозможно зарегулировать полностью. Экономика — такой механизм, где без связи с маховым колесом рыночных отношений, раскрученным всей историей человечества, скрипят и замирают шестерни планово-бюрократической хозяйственной системы. Рынок, рынок в основе экономики. Уничтожить его, значит уничтожить народное хозяйство страны. Это хорошо понимал Сталин, когда выгонял крестьянина работать в приусадебный огород: «...колхоз не может взять на себя...» Покуда живы рыночные отношения, к ним можно и социалистическую экономику пристроить.

Даже если это отношения подвластного государственной администрации *чёрного рынка*. Как раз именно чёрный рынок властям и нужен... Но об этом разговор

---

⁵⁾ А.-И.С.Вилимавичус. Личное подсобное хозяйство при социализме, его место, роль и тенденция развития. Автореферат диссертации. 1976, стр.3, 19.

вперед, пока же посмотрим, каким образом крестьянин со своего крошечного огорода кормит страну.

Почему именно Посады богатеют на ранних овощах? Во-первых, село расположено удобно: прежде река, а теперь шоссе придвигают здешние огороды прямо к городскому рынку. С грядки — на прилавок, и без лишней перевалки. Во-вторых, здесь «жирная» земля, чернозёмный остров в море супесей и подзолов, — поэтому выше урожай, поэтому овощи раньше созревают, поэтому требуют меньше полива. Кто может с ними конкурировать? Из всех удобно расположенных сёл в Посадах лучшая земля.

Но на рынке все продают по одной цене — и случших земель, и с худших, причем цена устанавливается по худшим землям, иначе кто станет сажать на своем участке овощи, если они не дают никакого дохода? Поэтому из всех, кто производит огурцы, посадские имеют самый большой куш, — их овощи достаются им дешевле, чем остальным, а идут по одной цене со всеми. Разница — в карман. Все это основы политэкономии, прямо хоть учебник цитируй: до каких-то границ чёрный рынок притворяется обычным открытым рынком, и в таком виде манит крестьянина.

Крестьяне, даже и незнакомые с учебником политэкономии, давно уже поняли рыночные механизмы и применяют их на практике. И, конечно, не только в Средней России или, скажем, в Молдавии, где в последнее время «колхозники сокращали посевы под зерновыми, как менее интенсивными культурами, и расширяли производство винограда и плодов — наиболее доходных и интенсивных культур», но прежде всего в Грузии, в автономных республиках Северного Кавказа, в республиках Прибалтики, в Белоруссии, где в совокупный доход крестьянской семьи приусадебное

хозяйство дает больше половины.⁶⁾

«Курская картошка путешествует на рынки Донбасса; среднеазиатские и закавказские фрукты — на рынки городов Центральной России; украинский лук — в Москву, Горький, Тулу и т.п... Особое место в снабжении московских рынков продукцией личных подсобных хозяйств занимают Рязанская и Липецкая области».⁷⁾

Возможность самому, и, как кажется, с максимальной выгодой приложить свой труд, толкает людей поистине на великие земледельческие подвиги. Чего стоят одни только клубничные хозяйства в пригородных зонах больших городов, где на нескольких сотых, если вообще не тысячных долях гектара получают урожаи, а значит, и доходы, которые даже нашей Аксинье Егорьевне не снились при всей живости ее хозяйственного воображения.

Писатель В.Солоухин разглядел напористую силу этого явления:⁸⁾

«Под конец нашей цветочной экскурсии меня привели в помещение, называемое теплицей...

— Четырнадцать квадратных метров,— пояснил хозяин. — Искусственный климат. Урожай по желанию — в любое время года. Но я приурочиваю к первому января.

— Огурцы или помидоры? Оно, конечно, к новогоднему столу свежий огурчик — цены нет. То же и помидор...

— Ну что вы! Огурцы — это грубо и дешево...

---

⁶⁾ В.И.Шубкин. Социологические опыты. М., 1970, стр.78.

⁷⁾ Г.И.Шмелев. Личное подсобное хозяйство и его связи с общественным производством. М., 1971, стр.11.

⁸⁾ В.Солоухин. Трава. «Наука и жизнь», №10, 1972.

— Тогда о каком новогоднем урожае вы говорите?

— Цветы. Тюльпаны. Вот о каком урожае. По два, по три рубля за каждый цветок. Эти четырнадцать метров приносят мне пять тысяч рублей дохода».

Два рубля за цветок — дорого или дешево? А рубль-полтора за килограмм картофеля на рынках Средней Азии? А рубль-два за лимон на базаре Новосибирска? Дорого, очень дорого! Но такова *рыночная* цена, и вряд ли найдется альтруист, который станет просить за лимоны по гривеннику: когда действуют рыночные отношения, добрая душа и высокая нравственность не помогут, у рынка свои законы, причем законы рынка имеют объективный характер. Поэтому наивно ругать за дороговизну какого-нибудь кавказца, продающего персики или мандарины. У рыночного торговца нет души — он фигура чисто экономическая, за ним — *весь советский* хозяйственный строй.

Представление обывателей, что на среднерусских рынках наиболее сильно наживаются кавказские и среднеазиатские крестьяне, — ложно. Базарная выручка должна быть поделена в соответствии с численностью семьи колхозника, и тогда окажется, что, например, в «1965г. Туркмения занимала среди союзных республик первое место по совокупному доходу на семью и девятое место по душевому доходу... В то же время Эстония стояла на первом месте по душевому доходу и на седьмом — по семейному.»⁹⁾

Нет, рыночная дороговизна — не от алчности крестьянской души. Да и те сияющие *пять тысяч*, которые время от времени фигурируют как *максимальный* доход от приусадебного хозяйства, в лучшем случае доход семьи в четыре-пять человек, причем не чистый

---

⁹⁾ Г.И.Шмелев. Личное подсобное хозяйство...стр.26.

доход, а всего лишь рыночная выручка,— тогда как затраты при ведении хозяйства бывают весьма велики. Так что от рыночной дороговизны крестьянин не становится самым богатым человеком в обществе. Фактический денежный доход крестьянской семьи не выше, но в огромном большинстве случаев ниже, чем средний доход семьи промышленного рабочего при двух работниках (294 рубля по официальным данным).

Нет, не крестьянин возгоняет цены на рынке. Тюльпаны — или ранние огурцы, или первые майские помидоры, или всегда и всем необходимое мясо — стоят на рынке дорого лишь потому, что производятся индивидуальным способом и в малых количествах. Развернуть их производство более широко крестьянин не может, размеры его хозяйства административно ограничены, никакая кооперация не разрешена. Крупные же сельскохозяйственные предприятия (колхозы, совхозы) рассчитаны не на удовлетворение прямого спроса потребителей, но на товарное обеспечение обменной и распределительной политики государства в интересах и для удобства партийной бюрократии — этой правящей структуры государства, охраняющей существующие порядки и себя вместе с ними.

Именно политикой правящей структуры обусловлены цены, объем капиталовложений — прямых и косвенных,— а, в конечном счете, определяется и объем производства. Потребительский спрос дальним светом еле пробивается сквозь мглу бюрократических отношений. Какие уж тут тюльпаны, когда в течение десятилетий сельское хозяйство финансируется и снабжается так слабо, организовано так бездарно, что хлеба, мяса, молока от крупных хозяйств все никак не получим в мало-мальски достаточных количествах.

Так что обывательские разговоры о совести и душе

нужно по крайней мере отложить до выяснения причин дороговизны, причин нехватки продуктов питания в стране,— тогда и ясно будет, о чьей совести вести речь. Вообще-то говоря, если душа — в некоем мистическом значении слова — вмешивается в рыночные отношения, то ничего хорошего не получается. В Средней Азии я знаю один колхоз, где приусадебные сады цветут и плодоносят обильнее, чем всюду вокруг, а их владельцы живут беднее, чем соседи. Оказывается, здешняя земля орошается водами священного источника, и все, что на ней вырастает, по мусульманским законам не подлежит продаже — табу! А раз табу, то нет необходимости искать наиболее товарные сорта яблок и винограда, нет необходимости строить траншеи для цитрусовых,— что росло от века, то и теперь растет. Идеологические условности приглушили экономические возможности, притормозили инициативу.

Может быть, *идеологические условности* тормозят и развитие экономики всей страны? Частная инициатива — табу! Рыночные отношения — табу! Стремление к прибыли — табу! Это ничего, что хлеб везем через один океан — из Америки, а мясо — через другой, из Новой Зеландии. Зато экономика наша щедро омывается священными идеями Маркса-Энгельса-Ленина... (чуть было не сказал — Сталина, но теперь не принято, хотя по существу, чего же стыдиться?)

Можно, конечно, предположить, что все действующие запреты — печальная ошибка, условности, недоразумение, которое само собой рассеется по мере того, как будет увеличиваться разрыв между потребностями населения в продуктах питания и низкой производительностью крестьянского труда, хилыми возможностями социалистического сельского хозяйства эти потребности удовлетворить. Но не будем выдавать

желаемое за действительное. Запреты — не случайность и не условность. Они инструмент *правлящей структуры*, инструмент партийной бюрократии — инструмент охраны существующих государственных порядков. И установлены все запреты в стремлении оградить государство партийных чиновников от посягательств, скажем, со стороны экономически окрепшего крестьянства или со стороны политически осознавшей себя техноструктуры.

Сталин понимал это лучше других. И хотя сегодняшняя партийная верхушка старается делать вид, что не замечает его тени, именно он среди прочих классиков марксизма-ленинизма ближе к нынешней политике правящего класса: «Верно ли, что центральную идею пятилетнего плана в *Советской стране* составляет рост производительности труда? — спрашивал он в своей знаменитой речи против Бухарина. — Нет, не верно. Нам нужен не всякий рост производительности труда. Нам нужен *определенный* рост производительности народного труда, а именно — такой рост, который обеспечивает систематический перевес *социалистического* (то есть не рыночного, а напрямую подвластного партийной бюрократии, объективно работающего на укрепление ее власти — Л.Т.) *сектора народного хозяйства над сектором капиталистическим*.¹⁰⁾

Именно запреты составляют суть власти, содержание деятельности партийной бюрократии: она обойдется без хлебного изобилия в стране, ей не нужна торговая прибыль, не обязательна всесторонне и гармонично развитая экономика — ей нужна только власть, безграничное изобилие власти, прибыль в виде увеличения власти, развитая система получения все

---

¹⁰⁾ И.В.Сталин. Соч. Т. 12, стр. 79.

новой и новой власти по мере продвижения в партийной иерархии.

Поскольку партийная бюрократия, как некогда — вырождающийся класс феодальных землевладельцев, никоим образом не участвует в общем потоке производства материальных и духовных ценностей, который и зовется прогрессом общества, у нее остается только одна возможность не быть смытой этим потоком: возможность установить строгую систему запретов, ограничений, «табу». И все «мероприятия партии и правительства в области экономики», которые объявляются каждый раз как великий дар народу, есть не что иное, как робкое лавирование партийной бюрократии среди ею же установленных плотин и барьеров — лавируют, чтобы вовсе не утонуть.

Но *чёрный рынок* как раз ничем и не угрожает стабильности нынешнего государства. Строго говоря, он ему целиком и полностью подконтролен, а потому — выгоден. Колхозная система с самого начала и задумывалась как система чёрного рынка, и сфера его значительно шире базарной площади, — это мы сразу увидим, вновь обратившись к Сталину:

«И если у вас в артели нет еще изобилия продуктов, и вы не можете дать отдельным колхозникам, их семьям, все, что им нужно, то колхоз не может взять на себя, чтобы и общественные нужды удовлетворять, и личные. Тогда лучше сказать прямо, что вот такая-то область работы — общественная, а такая-то — личная. Лучше допустить прямо, открыто и честно, что у колхозного двора должно быть свое личное хозяйство, небольшое, но личное. Лучше исходить из того, что есть артельное хозяйство, общественное, большое, крупное, решающее, необходимое для удовлетворения общественных нужд, и есть наряду с ним небольшое личное хозяйство,

необходимое для удовлетворения личных нужд колхозника.»¹¹⁾

Добрый Сталин, который, как видим, разрешил крестьянской семье не умирать с голоду — в тридцатых годах — как, впрочем, и добрый Брежнев, который настойчиво подталкивает крестьян к интенсификации труда на приусадебных хозяйствах — в семидесятых, — не уточняют, конечно, какую часть суток крестьянин должен отдать «личному хозяйству». Ясно, что лишь ту, что остается от трудов в колхозе... Вот где начинается «чёрный рынок»! Здесь, а не у базарных ворот.

Он начинается с того, что крестьянина *вынуждают* продавать обществу свой *сверхурочный* труд, тогда как его труд в колхозе попросту отнимается задаром или почти задаром, без удовлетворения элементарных нужд крестьянской семьи. Вот где самая главная «купля-продажа» на чёрном рынке: не морковка продается и не петрушка, но труд и жизнь крестьянина...

Но кто же здесь покупатель?

III

Колхозная, гармоничная система сельского хозяйства удобна правящей структуре и всемерно поддерживается ею как идеальная система эксплуатации крестьянства, — поддерживается целиком, включая институт приусадебного хозяйства...

Впрочем, уместно ли, размышляя о приусадебном хозяйстве, говорить об *эксплуатации*? Ведь здесь крестьянин работает на *себя*: сколько в огороде ни вырастит, сколько в загороде ни выкормит — все ему, никто теперь не отберет. Работай, живи, пользуйся...

---

¹¹⁾ Второй всесоюзный съезд колхозников-ударников. Стенографический отчет. 1935, стр.1.

И все-таки я знал человека, который по доброй воле решил отказаться от своего огорода. Да не где-нибудь, а в самих «огуречных» Посадах, которым завидуют окрестные деревни и села. В конторе тамошнего колхоза мне показали такой документ:

В правление колхоза
«Счастливая жизнь»
от механизатора Тюкина,
Гаврилы Ивановича.

З А Я В Л Е Н И Е

Прошу отобрать у нашей семьи индивидуальный огород и предоставить нам с женой возможность зарабатывать в колхозе дополнительно еще три тысячи рублей, которые мы ежегодно выручаем на базаре от продажи ранних огурцов. Моя просьба вызвана тем, что вчера, возвращаясь с работы на ферме, моя жена, Тюкина Анна (1951 г. рожд.), увидела, что перед ней по дороге катятся цветные шары,— наработалась, значит. Когда жена остановилась, шары исчезли, но когда пошла дальше, шары опять покатались. Справку от фельдшера прилагаю.

В случае, если мою просьбу выполнить нельзя, я не разрешу своей жене ходить на ферму, где она работает дояркой и получает редко больше ста рублей в месяц. Пусть уж тогда одними огурцами занимается на приусадебном участке да за ребятишками смотрит...

Подпись: Тюкин

Хитрый Тюкин рассчитал безошибочно: приусадебный участок у него, конечно, не отобрали. Деньги, которые жена приносила с фермы, никакого серьезного значения в бюджете семьи не имели,— по крайней мере, старания в «огуречном деле» дадут значительно больше

доходов. Что же до участия в колхозном производстве, которое, как мы знаем, одно только и дает право иметь приусадебный огород,— то Тюкин полагал, что его собственная доля в колхозных трудах достаточно велика, чтобы не жертвовать здоровьем жены,— он и сам-то и в колхозе, и дома попевал на последнем дыхании...

Радуюсь доходам крестьянина от своего приусадебного хозяйства, подумаем: если в индустриально развитой стране здоровому человеку приходится работать на пределе физических возможностей — иначе не прокормит семью,— не значит ли это, что *прибавочное* рабочее время растянута за естественные, природой поставленные границы? Это ли не эксплуатация сверх всякой меры?

Прибавочный труд создает прибавочный продукт, который отнимается правящей структурой и направляется на расширение производства в интересах стабильности государства, на научно-технические исследования и разработки (в тех же интересах), на содержание лиц, не занятых в сфере производства, но своей деятельностью поддерживающих существующую систему.

Если бы государство партийных чиновников отнимало у крестьян лишь прибавочный продукт, произведенный в колхозе, оставляя крестьянину необходимый — то было бы еще не беда,— оно бы поступало по законам товарного производства. Беда в том, что отнимается и прибавочный продукт, и необходимый продукт.

С самого начала сплошной коллективизации, с первых дней колхозной системы «пролетарское» государство оставило крестьянина на произвол судьбы. У крестьянина забирали все под метелку, несколько не

заботясь о том, остались ли ему хотя бы самые необходимые средства существования.

Какой садистический акт — сообщить с гордостью, как достижение (не к этому ли стремились?) на 18 съезде партии: «Средняя выдача зерна *в зерновых районах* (разрядка моя — Л.Т.) на один колхозный двор поднялась с 61 пуда в 1933 году до 144 пудов в 1937 году.»¹²⁾ И где! На Кубани, на Дону, в Новороссии — на богатейших землях, о которых более чем за сто лет до того еще Сисмонди было известно, что они способны не только досыта накормить живущий на них народ, но и дать такой урожай, «что русским хлебом было бы легко снабдить все рынки, которые оставит открытыми для русских и поляков цивилизованная Европа.»¹³⁾

61 пуд на большую крестьянскую семью — голод, по двухсотграммовой тюремной пайке на человека в день. 144 пуда — едва ли возможное существование. Но то в зерновых районах. А что там, в Рязани, Смоленске, Владимире, Вологде? Об этом ни слова. Будто вымерли земли. И близко к тому было... Голод в тридцать третьем году. Голодные военные годы. Голод в сорок седьмом. Голод в сорок девятом. В остальные годы травяных лепешек не пекли, но никогда не ели досыта. И еще в 1963 году в стране были тысячи колхозов, где крестьянин получал за свой труд в течение года 6-7 пудов зерна и 10-15 рублей деньгами.¹⁴⁾

Государство отнимает продукт, произведенный

---

¹²⁾ И.Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. II., ГПИ., 1952 г., стр.626.

¹³⁾ Ж.Симон де Сисмонди. Новые начала политической экономии... М., 1936., стр.269-270.

¹⁴⁾ См., например: Коллектив колхозников. Социально-психологическое исследование. «Мысль». М., 1970 г., стр.110

крестьянином в колхозе, но делает это не напрямую, не грубо, не физическим нажимом, который мог бы вызвать нежелательное противодействие, но замаскированно, через систему закупочных цен. Создается видимость, что продукт не отнят, но куплен, а поскольку продукта произвел мало, постольку и не заработал ничего — кого же винить?

Финансируя сельскохозяйственное производство, власти принимают позу доброго дядюшки, — исключительная щедрость толкает его оплачивать хозяйство нерентабельное, себя не оправдывающее... Слушайте, слушайте! Возможно ли, чтобы люди признали нерентабельным кормить себя? Возможно ли где-нибудь еще, чтобы при нехватке мяса, молока, картофеля производство их было нерентабельным?

Весь этот голодный маскарад затеян с одной-единственной целью: скрыть очевидный факт, что значительная часть сельскохозяйственной продукции попросту *отнимается бесплатно*, поскольку существующие цены никоим образом не соответствуют ее реальной общественной стоимости...

Впрочем, предоставим слово специалистам, которые, решая задачи конкретной экономики, волей-неволей вынуждены, если и не до конца распутывать клубок, то, по крайней мере, потянуть нитку дальше, чем обычно принято: «Расчеты, выполненные на базе учета затрат труда в отраслях материального производства и редукации труда на основе различий в общественно необходимых затратах труда на подготовку рабочей силы разной квалификации, показывают, что в сельском хозяйстве в 1969 году было произведено 29,4%, а в 1970 году — 28% национального дохода страны... Вместе с тем доля сельского хозяйства в национальном доходе, рассчитанная нами, выше, чем учтенная текущими

ценами по действующей методике ЦСУ СССР. Последняя составила в 1969 году 19,5% и в 1970 г. — 21,8%¹⁵⁾

То есть, по меньшей мере, стоимости, оцениваемые в 30 миллиардов рублей, отнимаются у сельского хозяйства безвозмездно. Часть из них в демагогической обертке возвращается, но далеко не сполна и далеко не по тем адресам, какие назвали бы заинтересованные потребители товаров, испытывающие нехватку мяса, молочных продуктов, овощей, яиц. Так в течение многих лет животноводство получало столь мизерный возврат произведенных здесь стоимостей, что их едва хватало даже на простое воспроизводство. В результате и сегодня в стране катастрофическая нехватка мяса, от которой в первую очередь страдают рабочие промышленных предприятий, пролетариат, чьи интересы якобы положены в основу государственной политики.

Но если животноводство недополучает причитающейся ему по законам товарного производства доли продукта, то недополучают ее и крестьяне, занятые в колхозном животноводстве, — система норм и расценок так устроена, что значительная часть общественно-необходимого труда остается неоплаченной.

Можно примерно подсчитать долю необходимого продукта, которая отнимается у крестьянина безвозмездно: подсчитанная разными способами, она составляет от 40 до 60% стоимости воспроизводства рабочей силы со средним уровнем квалификации. А это значит, что от 60 до 40% необходимого продукта крестьянин должен

---

¹⁵⁾ А.П.Плотников. Отношения сельского хозяйства с перерабатывающей промышленностью и торговлей. М., 1973., стр.51.

добирать в своем приусадебном хозяйстве.

Но, оказывается, и этого сказать недостаточно. «Сравнение фактического минимального уровня доходов колхозной семьи с рассчитанным минимумом материальной обеспеченности показывает, что в 1969-1970гг. минимальная оплата труда в колхозах с учетом *всех других источников* семейных доходов (разрядка моя — Л.Т.) обеспечивала воспроизводство рабочей силы на 80-85% от уровня возмещения затрат простого труда в промышленности.»¹⁶⁾ Вот и вспомним те тысячи, которые крестьянин получает, реализуя продукты приусадебного хозяйства,— где они? Их едва хватает взамен тех денег, что недоданы в колхозе, что отняты государством.

Ограбленное таким образом крестьянство, казалось бы, обречено было на деградацию и вымирание. Но инстинкт самосохранения силен. До смерти и котенка утопить непросто, а человек-то, люди, будут сопротивляться до последнего. На это, впрочем, советская экономическая политика и рассчитана... И сопротивлялись, учились жить и с сорока, и с пятнадцати соток, и с пятнадцати метров земли. Выучились. Живут, карабкаются. До цветных шаров в глазах. Лишенные необходимого продукта в колхозе, добывают его в приусадебном хозяйстве.

Но обратим внимание еще и на то, что, ограбив крестьянина в колхозе, выжав из него соки в своем плановом, гласно-социалистическом тоннеле, власти отпускают его на поправку в систему рыночных отношений. Отпускать-то отпускают, но «на поводке»,

---

¹⁶⁾ М.И.Сидорова. Возмещение необходимых затрат и формирование фонда воспроизводства рабочей силы в колхозах. М., 1972., стр. 187.

ограничив экономический маневр целым рядом запретов и «табу».

Минимальный размер земельного участка и связь его аренды с обработкой в колхозе или совхозе, строгий регламент на фураж, отсутствие рынка сельскохозяйственного инвентаря, запреты на интенсивное использование земли, строгий запрет на частные товарищества и кооперативные — все это не дает крестьянину сделаться независимым хозяином. Этот черный мешок запретов мешает рынку развернуться в полную силу, мешает производству напрямую связаться с потребительским спросом. Чёрный рынок остается *под рукой* административной власти, которая диктует жесткие условия постоянной эксплуатации крестьянина в колхозе, совхозе и в приусадебном участке.

Но в то же время власти не могут, не хотят, боятся до конца пролетаризировать крестьянина, сделать его лишь наемным рабочим. В конце шестидесятых годов в Латвии местные партийные органы, видимо, сдвинутые несколько в европейскую сторону от центрально-русских методов хозяйствования, распорядились приплачивать колхозникам за отказ от своих участков. Немного, всего по 300-400 рублей в год, но здесь важна не сумма, а тенденция.¹⁷⁾

Вроде бы все логично: колхоз получает дополнительную землю, увеличивает свои доходы и какие-то суммы из них платит тем, кто от этой земли отказался... Но нет, не нужны властям ни эта земля, ни эти доходы, которые, впрочем, будут-не будут, еще не известно. Властям не нужен сельский пролетарий — власть партийной бюрократии не умеет распорядиться его трудом, не

---

¹⁷⁾ А.С.Стамкулов. Приусадебное землепользование. Алма-Ата, 1972.

умеет создать такие условия труда, чтобы получая необходимый продукт в виде зарплаты, он произвел достаточное для общества количество прибавочного продукта, — она не умеет ни организовать производство товаров, ни торговать, она может только *отнять* уже произведенное. А у пролетария что отнимешь? По крайней мере, куда меньше, чем у крестьянина.

Кроме того, промышленные рабочие обладают неотъемлемыми правами, которые в приложении к крестьянству весьма проблематичны: право на труд, право на отдых, право на жильё. Права, которые гарантируются в том или ином объеме в зависимости от уровня развития производительных сил...

И еще, конечно, право на восьмичасовой рабочий день, которое хоть и нарушается сплошь и рядом, но оно все-таки провозглашено, и нужно искать оправдание, чтобы его нарушить. В деревне же таких прав просто нет и быть не может... Крестьянин во многих случаях хотел бы стать пролетарием!

«По материалам социального обследования в колхозах Нечерноземной зоны, затраты времени трудоспособного колхозника в артельном производстве составили 2600 часов, а колхозницы — 2380 против 2000 часов оптимально возможного времени в промышленности.»¹⁸⁾ Прибавим сюда примерно 1000 часов, которые затрачиваются каждым колхозником в приусадебном хозяйстве, и мы получим представление о реальных затратах рабочего времени в деревне.

Пролетария можно заставить работать и по десять, и по двенадцать, и по четырнадцать часов в сутки, как это и делают на советских промышленных предприятиях в дни

---

¹⁸⁾ В.И.Староверов. Город и деревня. Политиздат. 1972. стр.80.

ежемесячных, ежеквартальных авралов или в последние месяцы года. Но пролетарию нельзя вообще не дать зарплату, предлагая кормиться где-нибудь на стороне. Ему помногу добирать негде, и если бы власти рискнули регулярно оплачивать труд промышленных рабочих лишь на 40-60%, то поставили бы под угрозу само существование государства. Поэтому советская система трудового нормирования и заработной платы, система ценообразования и распределительная политика советского государства построены таким образом, чтобы рабочий во всех случаях получал свой прожиточный минимум, — даже тогда, когда та или иная отрасль промышленности или строительства нерентабельна и для покрытия дефицита приходится соответствующим образом перераспределять общественный продукт.

Так это, например, происходит с жилищным строительством. Колоссальный дефицит жилья власти пытаются хоть как-то компенсировать в глазах общественного мнения низкой квартплатой, которая далеко не покрывает строительных затрат и, в том числе, затрат на оплату труда строителей. Правда, недобрали плату за жилище, недодадут и зарплату, снизив расценки, увеличив степень эксплуатации... Государство нам ничего не дает даром.

Равнодушие к сельскому работнику даже и запрятано не очень тщательно, настолько оно кажется властям естественным и непредосудительным. Ему можно заплатить сколько угодно мало, не считаясь ни с какими общественными нормами. Доберет в приусадебном хозяйстве и на чёрном рынке. И никакой угрозы для государства и партийной бюрократии от этого нет. Напротив, осуждая на словах рыночные отношения, власти на деле толкают крестьянина на рынок с

продуктами приусадебного хозяйства, и именно за счет рыночного оборота удовлетворяется значительная часть общественных потребностей. А иначе где взять? Как сбалансировать потребности и возможности? Как отвести интересы общества от крутого столкновения с интересами партийной бюрократии? Без рынка плановый социализм только в теоретических работах ладно катится, но на практике — заклинивает.

Не знаю, успел ли кто-нибудь в Латвии получить те 300 рублей за отказ от земли, да и нашлись ли вообще желающие продаться таким способом в обельное холопство, но инициаторы мероприятия получили по партийному выговору — и поделом! Не руби сук, на котором сидишь, не предавай своих же интересов: без приусадебного хозяйства, без рынка так заклинит...

Крестьянин вынужден трудиться два рабочих дня ежедневно. Большую часть того, что он зарабатывает в первый день — в колхозе, в системе гласно-социалистической — у него отнимает государство и распределяет в интересах сохранения существующей системы. Крестьянину не остается ни необходимого продукта, ни права распоряжаться прибавочным...

Тогда начинается второй рабочий день — по законам чёрнорыночного товарного производства, по законам *негласного* социализма, — рабочий день, во время которого крестьянин пускает в ход весь свой наличный капитал: рабочую силу — свою, оставшуюся от колхозных трудов, и своей семьи. Он сам определяет здесь уровень эксплуатации: минимум — чтобы не голодать, максимум — чтобы не падать с ног от недосыпа, работая с трех утра до десяти вечера. Сам определяет (в рамках дозволенного) характер производства в зависимости от спроса на те или иные продукты.

Как мы знаем, значительная часть продукта приусадебного хозяйства — от 20 до 90% — реализуется. Крестьянин получает тот или иной доход в зависимости от величины дифференциальной ренты. Но рента — часть прибавочной стоимости. Прибавочные стоимости создаются в прибавочное время. Сколь велико оно в приусадебном хозяйстве? Здесь крестьянин сам себе работник, сам себе и «капиталист».

Весь этот чёрнорыночный оборот настолько мал в каждом своем индивидуальном объеме, — эта рента, эта средняя прибыль на капитал, это прибавочное время так потешны кажутся серьёзным экономистам, что они не берут на себя труд разобраться в них. А может быть, специально отворачиваются, чтобы не увидеть ту очевидную истину, что социализм-то наш живет за счет чёрнорыночного «микрокапитализма».

Но и увидев, стараются сказать помягче, поглаже: мол, «время», используемое колхозниками в подсобном хозяйстве, нельзя назвать рабочим временем или вторым рабочим днем. Это вне рабочее время, обусловленное необходимостью ведения подсобного хозяйства».¹⁹⁾ Вне рабочее время, когда добывается половина всего совокупного дохода семьи колхозника. Какая глупость! А ведь между тем мы и питаемся продуктами, которые произведены крестьянином «во вне рабочее» время, как бы играючи...

Впрочем, в самое последнее время напористая реальность заставляет повнимательнее приглядеться к деревне и увидеть хотя бы клочки правдивой картины. «Мы разделяем мнение, что когда личное подсобное хозяйство становится основным источником доходов и

---

¹⁹⁾ Байкова и др. Свободное время и всестороннее развитие личности. М., 1955, стр.37.

оказывается ориентированным, в основном, на рынок, а работа одного из членов семьи в общественном производстве служит лишь средством получения права на ведение такого хозяйства, последнее может рассматриваться как мелкое частное хозяйство».²⁰⁾

Признаться в существовании мелкого *частного* хозяйства в стране развитого социализма — уже немало. Такое признание не может не заставить рассмотреть сверху донизу (или снизу доверху) всю систему экономических связей. Признавшись в существовании 40 миллионов мелких частных хозяйств почти через полвека сплошной коллективизации, нужно признаться и в полной *экономической* неэффективности колхозной системы. Но тут же нужно признаться, что колхозы весьма целесообразны *политически*, поскольку сосуществуя с мелким частным хозяйством, создают идеальные условия для ограбления крестьянина при помощи *чёрного рынка*.

Но, увы, сделав свое, чуть ли не революционное для советской науки «открытие», социолог после нескольких общих суждений заявляет тут же: «Оно (то есть крестьянское хозяйство Л.Т.) будет сокращаться само по себе добровольным путем по мере развития общественного хозяйства... Обеспечение условий для отмирания этого хозяйства как источника дополнительных доходов позволит ликвидировать наиболее существенные элементы отставания деревни от города».

И это все? И это значит *может рассматриваться*? Да не будет приусадебное хозяйство сокращаться ни

---

²⁰⁾ В.И. Староверов. Преодоление существенных различий между городом и деревней как составная часть задачи построения социально однородного общества. Социологические исследования, 1975, №4, стр.31.

«добровольным» путем, ни каким иным. Как отмечают более сведущие специалисты, для того, чтобы колхозы и совхозы полностью удовлетворили в 2000 году растущие потребности общества в основных продуктах питания и вытеснили частные хозяйства крестьян и рабочих, производство мяса должно быть увеличено в 4,5 раза, молока — в 3 раза, яиц — в 18 раз.

Да и этого мало. Экономические аргументы здесь не решают дела — столь быстрый рост сельского хозяйства может быть и был бы возможен, если ослабить систему запретов и ограничений, наложенных на хозяйственный маневр. Но нет, — частные крестьянские хозяйства будут жить в их сегодняшнем виде до тех пор, пока правящая структура осуществляет свою политику за счет *чёрного рынка*. А может ли ее политика быть обеспечена каким-либо другим способом — весьма сомнительно, — по крайней мере, именно это и должно *рассматриваться*.

Не вина крестьянина, что он обречен вести рыночное хозяйство даже на участке размером с детскую песочницу. А мы, желая понять, в какой стране живем, отворачиваться от его судьбы не вправе. Тем более, что на этих игрушечных участках разворачиваются отнюдь не детские своей жестокостью игры взрослых.

1У

Ни летним вечером, ни в праздники на сельской улице не увидишь играющих в домино взрослых, — вроде тех, что стучат костяшками во всех городских дворах, на скверах и бульварах. В деревне бездельничать стыдно. И даже эти самые доминошники, собираясь в родные сельские места, чтобы помочь родителям или родственникам в огородных работах весной или на

летней сенной страде или в сентябрьской копке картофеля... А уж сельского-то жителя труды не отпускают круглогодично: ведь на себя работает — если остановится, кто за него сделает? Кто возместит потери, если пропущен срок полива огурцов или окучивания картофеля? Если летом долго спал, — под снегом травы не накопишь. Если гонят стадо, за домино не сядешь — корми, пои, дои, ухаживай.

Механизатор Гаврила Иванович Тюкин по утрам, пока еще не в колхозе, или вечером, уже вернувшись, упорно добывает то, что не отдано ему при расчете колхозной кассой. С топором ли, с косой ли, с лопатой движется он по дням своим от дела к делу, от заботы к заботе. И не один, за ним — вся семья, а Нюрка, так и впереди его.

Кажется, и детям он заботливый отец — если жена болеет, сам проверит, как в школу собрались, сыты ли, нет ли прорех в одежде. И Нюрке своей любящий, ласковый муж. И родителям — старикам внимательный сын: из-за них и колхозником после армии сделался, не поехал на стройки коммунизма, пожалел одних немощных оставлять... Но при всем том ни больных стариков, ни жену до последнего дня перед родами; ни детей — никого он не может освободить от постоянного крестьянского труда. Впрочем, пусть бы и освободил, никому из них совесть не позволит отлынивать, когда вся семья в огороде или на сенокосе. А без совестливого участия всех в семье им не свести концы с концами.

Могут ли двое взрослых, работая в колхозе или совхозе, вести приусадебное хозяйство достаточно интенсивно, чтобы прокормить семью в пять-шесть человек? Нет, не могут.

Для того, чтобы получить урожай картофеля с

приусадебного участка в 30-40 соток, двое трудоспособных должны ежедневно трудиться полный рабочий день в течение двух месяцев.²¹⁾ Да уход за коровой занимает полтора-два часа ежедневно, и всякая другая живность внимания и времени требует... Но ведь и от работы в колхозе никто не освободит — особенно летом.²²⁾ Да в те же летние месяцы и сена надо на зиму добыть, и все остальные заботы остаются. Нет, двоим не хватит ни сил, ни времени. И в больших семьях те, кто зарабатывает *право* на приусадебное хозяйство —

---

²¹⁾ По расчетам специалистов Госплана СССР, затраты труда на производство центнера картофеля в личных подсобных хозяйствах составляет сейчас 2,8 человеко-дня. «Известия» от 14 января 1977 г.

С 30-40 соток приусадебной земли получают урожай около 50 центнеров... В весьма благоприятных условиях Хмельницкой области тратится в приусадебном хозяйстве на производство одного центнера молока — 3 человеко-дня, на откорм головы крупного рогатого скота — 45,5 человеко-дня. См. В.А.Беляев. Личное подсобное хозяйство при социализме. «Экономика». М., 1970, стр. 95.

²²⁾ В Новосибирской области, которая ничем не выделяется среди других сельскохозяйственных областей страны и вполне может быть принята за среднестатистическую, «в 1972 г. по сравнению с 1967 г. средняя продолжительность рабочего дня (в колхозах и совхозах — Л.Т.) по оценкам работников, выросла зимой с 7,8 часа до 8,4, летом с 8 до 9 час... Доля работающих 8-11 час. возросла с 30 до 55%, а свыше 12 час. — вдвое... В 1972 г. нормальный рабочий день имела лишь одна треть работников, в то время как остальные две трети в той или иной мере перерабатывали». Р.В.Рывкина. К изучению основных направлений урбанизации образа жизни сельского населения. В кн. Современная сибирская деревня. Новосибирск, 1975, ч.1. стр.36.

колхозники и рабочие совхозов — не главные добытчики в своем огороде.

Приусадебное хозяйство — колоссальный комбинат по эксплуатации детей, стариков, инвалидов. Двенадцать миллионов сельских жителей нигде не работают, кроме как в приусадебном хозяйстве, причем из них семь с половиной миллионов — старики и подростки.²³⁾ Да и остальные миллионы — это, главным образом, люди нетрудоспособные или ограниченной трудоспособности, домохозяйки с большими семьями. Три четверти труда, затраченного в приусадебном хозяйстве, — женский труд. Прибавим еще пятнадцать миллионов сельских ребятишек — число школьников без учащихся начальных классов — и мы получим представление о том, чьими руками создается значительная часть валовой продукции сельского хозяйства, которой в прямом и переносном смысле кормится государство развитого социализма со всем его мощным партийно-государственным и идеологическим аппаратом.²⁴⁾

Факт эксплуатации неработоспособного населения, который замалчивается экономистами и социологами,

---

²³⁾ В.А.Белянов. Личное подсобное хозяйство при социализме, стр.81, 93.

²⁴⁾ «Развитой социализм» подобного типа уходит корнями своими в далекую историю»: факты языка показывают, что древний источник рабства находится в связи с семейным правом. Слово «семья» (по словарю Востокова) означает рабы, домочадцы... Термины: ...раб (робя, робенец, ребенок), холоп (в укр. хлопец — мальчик, сын) одинаково применяются как к лицам, подчиненным отеческой власти, так и к рабам». М.Ф.Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права. Цит. по книге акад. Б.Д.Грекова «Крестьяне на Руси», стр.132.

вдруг просвечивает сквозь писания юристов, которые обязаны точно определить правовую сторону взаимоотношений в сельской семье: «Семья колхозника, в отличие от обычной семьи рабочего или служащего, имеет определенные особенности, выражающиеся в том, что это не только родственный, семейно-брачный союз определенных лиц... но такое семейное объединение лиц, которое имеет еще и определенные трудовые связи данных лиц между собой, возникающие у них в силу совместного ведения ими личного подсобного хозяйства.²⁵⁾

Можно и нужно бы сказать еще точнее: семья колхозника — микро-капиталистическое предприятие, где глава семьи вынужден эксплуатировать труд своих домочадцев, чтобы получить в приусадебном хозяйстве максимум прибавочной стоимости и таким образом возместить недополученный ими в колхозе или совхозе необходимый продукт.

Ведется эта эксплуатация, как правило, совершенно варварскими методами, без какого бы то ни было облегчения труда, без механизмов, без применения современных достижений агрономии и зоотехники. Лопата, тачка, мешок, корзина — почти весь инвентарь. В лучшем случае весной за две-три бутылки водки колхозный тракторист вспашет и проборонует участок, — остальное руками.

Один велеречивый партийный болтун заявил: «Хозяйственные функции сельской семьи в советское время в корне изменились. Отпала главная забота — о средствах производства, о лошади, о сохранении

---

²⁵⁾ Комментарий к примерному Уставу колхоза. «Юридическая литература». М., 1972, стр.239.

плодородия...»²⁶⁾ Ну да, забота о лошади отпала — на себе возят. Еще в тридцатые годы был выдвинут лозунг: «Лошадь — угроза социализму». Ползая по земле на карачках, по-лошадиному таская на себе грузы, сельские бабы социализму не угрожают, все верно.

Государство давным-давно закрыло глаза на то, каким способом крестьянин добывает себе пропитание, сколь тяжело надрывается при этом. Беда ли — заводы «делают лопаты на целый килограмм тяжелее положенного. Грабли тоже слишком тяжелы... Совсем не делают инструмента для подростков, пожилых людей». ²⁷⁾ Какая страшная картина: на двух сотых всех площадей пахотной земли дети, инвалиды, старики, женщины с лопатами и граблями не по силам дают продукта чуть не столько же, сколько здоровые крепкие люди во всеоружии современной техники получают с остальных девяноста восьми сотых! Какой тяжелый порок скрыт в этих газетных признаниях!

Правда, в последние годы в пригородных зонах увеличилось число приусадебных хозяйств, ведущих интенсивный откорм скота, умножились парники и теплицы. Возможность получить относительно высокую прибыль заставляет этих микрокапиталистов думать хотя бы о механизации: переделывать домашние пылесосы в огородные опрыскиватели, миксеры приспособлять для сбора крыжовника, изобретать оборудование для выращивания тюльпанов зимой.

Но в массе своей приусадебное хозяйство остается

---

²⁶⁾ П.Шелест. Одна сельская семья. (Штрихи к социальному портрету сельского рабочего 70-х годов) «Советская Россия». М., 1972, стр.79.

²⁷⁾ «Известия», 14 января 1977г.

традиционно рутинным. Да и не может быть иначе: на малых земельных площадях, при полном отсутствии техники, приспособленной для ведения столь мелкого хозяйства, есть лишь один способ произвести побольше продукта: увеличить количество затраченного живого труда. За счет занятых в колхозе взрослых ничего не увеличишь — упадут. Значит, побольше работать приходится многодетным женщинам, старикам, инвалидам, детям.

Конечно, никакого разделения труда, никакой кооперации, увеличивающей его производительность, здесь нет и быть не может. Приусадебный участок — не землевладение и даже не свободная аренда. Право крестьянина на приусадебный участок предусматривает обработку земли лишь семьей самого крестьянина. Облегчить труд семьи можно только прибегнув к супруге — простой взаимопомощи двух-трех колхозных дворов по принципу: ты — мне, я — тебе. Так малосемейные копают картошку. Так в некоторых районах ведут простейшее индивидуальное строительство.

Но объединение тех же двух-трех крестьянских дворов для более рационального, более интенсивного **р**ы **н**о **ч**н **о** **г**о хозяйства невозможно — строжайшее «табу»! При рациональном разделении труда, при интенсивном ведении хозяйства, ориентированного на рынок, *капиталистический* характер такого объединения был бы ярко выражен, и можно обойтись уже без приставки «микро». Если придавленные запретами нынешние приусадебные хозяйства успешно конкурируют с колхозами и совхозами, надо ли говорить, что даже элементарное объединение независимых крестьянских хозяйств с гектаром-двумя земли и простейшими механизмами показало бы полную экономическую

бессмысленность сегодняшних колхозов. Понятно, что власти на такое не пойдут. Власть партийной бюрократии никогда не признает достаточным основанием для дальнейшей капитализации приусадебного хозяйства даже увеличение продуктов питания вдвое или втрое против сегодняшнего.

Понять политический смысл запретов несложно: сохраняя полуголодный, но гарантирующий безоговорочную власть партийной бюрократии «зрелый социализм», сохраняя чёрный рынок, они не дают развиваться открытым рыночным отношениям, при которых нужда во всякой административной власти весьма ограничена.

Вообще всякое *добровольное*, независимое от существующей администрации колхозов и совхозов объединение частных лиц в советской деревне невозможно — ни на капиталистической рыночной основе, ни на *основе коммунистической*. В стране, провозгласившей построение первой фазы коммунистического общества, *коммуны-то* как раз и запрещены. Они существовали еще при царе и в первые годы советской власти, но с началом коллективизации исчезли. Похоронил их лично Сталин: «Лишь по мере укрепления и упрочения сельскохозяйственных артелей может создаваться почва для массового движения крестьян в сторону коммуны. Но это будет не скоро. Поэтому коммуна, представляющая высшую форму, может стать главным звеном колхозного движения лишь в будущем». ²⁸⁾ Ему неважно было, куда отправлять свои жертвы — в прошлое или в будущее, — лишь бы в

---

²⁸⁾ И.В.Сталин. Ответ товарищам колхозникам. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е, стр.351.

небытие, лишь бы не мешались под руками в настоящем.

Коммуны создавались людьми, религиозно преданными коммунистической идее. Такие сплоченные, убежденные коллективы могли оказывать и оказывали серьезное сопротивление советской политике крепостного закабаления крестьянства. «В известной части коммун проявилась антигосударственная практика, выразившаяся в противопоставлении интересов коммуны интересам государства (чрезмерное увеличение потребительских нужд коммуны, уменьшение товарности и т.д.)»²⁹⁾ Вот оно в чем дело! Коммунары не хотели становиться рабочим скотом, несущим тягло под понукание партийной бюрократии, скотом со скотским уровнем потребностей. И тогда их перевели на Устав сельхозартели. И тогда их заставили гнать на работу своих детей и стариков...³⁰⁾

Впрочем, эксплуатация крестьянской семьи как единого хозяйственного организма оказалась такой удобной, что в последнее время широко применяется не только непосредственно, через главу семьи, в приусадебном хозяйстве, — но и непосредственно, в колхозном поле. Например, в Чувашии (это я видел в Чувашии, а знающие люди подсказывают, что едва ли не повсеместно) картофельные поля разбиваются на

---

²⁹⁾ БСЭ, 1-е изд., т.33. «Коммуна сельскохозяйственная».

³⁰⁾ Впрочем, не только в деревне и не только хозяйственное — никакое объединение людей по общему интересу — невозможно. Пример тому — многолетняя безуспешная борьба молодежи с партийными властями за «клубы по интересам» — объединения увеличивающие если не интенсивность общественного труда, то уж по крайней мере, интенсивность общественной мысли, общественной жизни... Такие клубы разрешены лишь при

делянки и каждая крестьянская семья в зависимости от числа наличных душ должна выбрать картофель с большей или меньшей площади. Только исполнение этих барщинных работ (не освобождая от иных, само собой разумеющихся) дает право на покупку в колхозе кормов для личного скота и на бесконфликтное пользование приусадебной землей.

Количество наличных душ в семье учитывается по прямому, мистическому значению слова, поскольку важно одно: чтобы душа в теле держалась. Освобождаются лишь паралитики. По крайней мере, в чувашском колхозе «Канашский» семья слепого (он да жена) никаких льгот в этой трудовой разверстке не получила... Заметим, что колхоз этот — среди «маяков» республики. С газетных и журнальных страниц нам его подают как достижение социализма — в каждой области таких лишь пять-шесть хозяйств. Сюда журналистов *возят*. Механизаторы и доярки получают здесь больше, чем в соседних хозяйствах. Но кто же разберется внимательно, что кроется за плакатными улыбками, чьи незамеченные труды, чьи слезы?

Председатель колхоза «Канашский» — крепкий хозяин, заслуженный агроном, кавалер орденов Ленина и Октябрьской революции, автор книги «Земля и урожай». Надо полагать, не он придумал эту систему, но с успехом тщательном мелочном контроле со стороны партийных, комсомольских чиновников. Но даже при такой разработанной идейно-фискальской системе удержать клубы под непрерывным идеологическим давлением трудно: молодежь стремится к самостоятельности мышления, -- и тогда клубы распускаются, а их организаторы подвергаются идеологическим, а иногда и административным репрессиям... Понятно, что удержать под контролем хозяйственные объединения было бы сложнее.

пользуется ею именно он. Много ли их, таких просвещенных крепостников? Надо бы, чтобы страна знала каждого из них — может, тогда постыдятся? Да постыдятся ли? Им райком грехи отпустит...

В иных местах так убирают сахарную свеклу, кормовые культуры. И нам здесь можно заметить, что столь дикая форма отработки не может привлечь крестьян даже видимостью прямого материального интереса — это лишь форма ужесточения условий, на которых предоставляется право на приусадебное хозяйство.

При такой организации труда действуют психологические факторы, хорошо известные еще Марксу, а по его словам, и еще раньше — Фурье: «...Женщины хорошо работают только под диктатурой мужчин, но... с другой стороны женщины и дети, раз они принялись за работу, с величайшей рьяностью расходуют свои жизненные силы... между тем как взрослый работник-мужчина настолько коварен, что старается по возможности экономить свои силы».³¹⁾

В республиках Средней Азии школьник двенадцати-четырнадцати лет (почему-то чаще я встречал именно школьник) заставляют тяжелым кетменем — на килограмм, на два тяжелее нормы? — рыхлить землю колхозного хлопчатника. По многу часов, на солнцепеке — вместо уроков, а иногда и после уроков. Эта работа, пожалуй, даже тяжелее, чем выборка картофеля из осенней грязи, столь хорошо знакомая средне-русским школьникам.

В Гатях — среднерусской деревне, где жила и похоронена наша Аксинья Егорьевна, одна из

---

³¹⁾ К.Маркс. «Капитал», т. I. Госполитиздат. 1963, стр.707.

учительниц местной восьмилетки усомнилась, надо ли включать в программу уроки сельского труда? Ей показалось, что дети и без того знают предмет очень хорошо. Она анкетами опросила школьников и анкеты отослала своему наробразовскому начальству. Все дети ответили, что на уборке урожая картофеля они работают трижды: раз — дома, два — в колхозном поле с семьей, три — в колхозном поле со школой; на сенокосе — дважды: сначала с семьей в лесхозе или в другой организации, у которой есть угодья и можно заработать копешку-другую, потом — в колхозе за «десятый процент», то есть за право получить одну десятую часть убранныго сена; кроме того, конечно, все иные работы — весной, летом, осенью на приусадебном участке, и круглогодично — уход за скотиной (последнее — не все, главным образом, девочки).

Начальство внимательно изучило анкеты, но уроки сельского труда велело начать. Не потому, что нужны, а потому, что с них, с начальства, еще начальство повыше спрашивает. А то — самое высокое начальство, одержимое исключительно гуманными соображениями, издавало приказы, запрещающие детский труд в поле. И теперь все в том же перманентном порыве гуманности заботится, как бы сельские ребятишки не обленились, не выросли бы белоручками.

Но министерские чиновники далеко и высоко, а районные партийные и хозяйственные — близко. И без детских рук им урожай не выбрать, землю не взрыхлить, веточного корма не наготовить. Знают ли об этом чиновники министерские, издавшие гуманные приказы? Да конечно, знают! Но их чиновничье дело — издавать гуманные приказы. А дело наробразовских районных чиновников — исполнять все приказы — и из Москвы, и

из райкома партии. И в результате крестьянский ребенок, трижды уже отработавший в разных местах, трижды эксплуатируемый, работает в четвертый раз *на уроке труда*. На этот раз его эксплуатирует гуманное педагогическое начальство, которое имеет свои дивиденды не в виде сданного картофеля и галочки в хозяйственном плане, но в виде галочки в плане педагогическом.

Экономическая необходимость работать в приусадебном хозяйстве существует многие годы, формируя нравственную атмосферу сельской жизни и, наконец, закрепляется в обычае, в нравственном императиве. А обычай уже, в свою очередь, требует от человека определенного действия, эксплуатирует его нравственную податливость. А в конечном счете — все то же: эксплуатируется труд.

Уже знакомая нам учительница в Гатях как-то жаловалась, что каждую весну и осень, когда начинаются огородные работы, на нее наваливаются огромные трудности: не хватает времени, не остается сил и желания сажать и копать картошку. В семье у них только двое — она и муж. Оба по двадцать пять лет работают в школе. Оба отдают школе всю душу и все время. Картофельный огород им совершенно не нужен,— они зарабатывают достаточно, чтобы покупать продукты... Но тем не менее, каждый год сажают картошку, потом ее окучивают, потом выкапывают. И делают это только потому, что *все в деревне* так делают. Попробуй она отказаться от своего огорода, и в деревне это воспримут не иначе как чудачество, а еще хуже — как высокомерие: «Что вы, можно ли добровольно отказаться от земли!? В деревне не принято покупать картошку, если ее можно вырастить. В деревне нельзя не жить как все... даже если думаешь по-своему. Всеобщность экономическая

создает нравственную всеобщность. Существующие порядки кажутся уже естественными и единственно возможными.

Но все-таки экономический императив пока более важен: большинство учителей не имеет возможности купить какие бы то ни было продукты в колхозе или у односельчан, которые, специализируясь на одной товарной культуре, остальные производят лишь для личного потребления. И вынуждены учителя вести свое хозяйство точно так же, как и крестьяне. Специалистов сельского хозяйства — агрономов, зоотехников, инженеров — продовольственная нужда задевает в меньшей мере, но все-таки и они задеты: «Так, в своеобразных условиях овцеводческих совхозов Казахстана, удаленных от крупных городов, железнодорожных станций, в районах малой плотности населения ведение личного хозяйства особенно необходимо... При анкетном опросе 12-ти хозяйств выяснилось, что в них все семьи специалистов держат коров, овец, в некоторых, кроме того, верблюдов и кумысных кобыл.³²⁾

Обстоятельства заставляют. Обстоятельства формируют образ жизни. Образ действий. Образ мышления. Люди не рождаются рабами. Подчинение всеобщности, подчинение глухой необходимости начинается лишь в школьные годы — да и то не сразу. Пока учатся писать, у каждого свой почерк прорезывается. Но со второго класса дети начинают просить в школьной библиотеке «что-нибудь о Ленине — потому что велели прочитать». Так начинается всеобщий почерк мышления. Он закрепляется всеобщей трудовой повинностью: с

---

³²⁾ И.В.Макарова. Личное подсобное хозяйство сельского населения в перспективном экономическом и социальном планировании. Целиноград.

четвертого класса выходят в колхозное поле и в свой огород. Слово и дело взаимно дополняются, служа одно другому. Формируется человек... И над его-то собственным словом затоскуешь до крика...

Из домашнего задания ученика 5-б класса гатинской восьмилетней школы Галкина Григория:

«Письмо другу.

Дорогой друг мой Вася!

Я тебе опишу про свой выходной день. Встал я рано, умылся, оделся и помог маме прибрать постели. Потом стал завтракать, позавтракал, и пошли мы копать картошку. Я копал, а сестра выбирала картошку. Было холодно. Немножко замерзла сестра, да и я замерз. Покопались мы. И устали, отдохнули. И стали копать картошку. Мы разогрелись. Вдруг шумит мама: «Идите обедать!». И мы пошли. Пообедали. Пошли рыть картошку. А с обеда время летело быстро. И вот уже подошел вечер. Мы поели. И легли спать. Вот мой прошел день. Вася, опиши ты про свой день.

Твой друг Гриня».

В детстве я скандировал вместе со своими ровесниками: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство». Кого должны благодарить сегодняшние сельские ребяташки?

У

— Спасибо Ленину,— сказала как-то Аксинья Егорьевна, разглядывая его портрет в районной газете,— лицо-то доброе, позаботился о нас...

В другой раз я уже без удивления наблюдал, как в новом здании сельсовета она в пояс поклонилась тому же портрету:

— Царство тебе Небесное... Жизнь-то какую дал — и пенсия, и огород, и в магазине чай да сахар — помирать жалко...

Все хорошо знают, что сегодняшнюю жизнь дал нам Ленин. По его заветам живем. И все видят, что сегодняшняя жизнь крестьянина несравненно лучше той, что осталась в тридцатых, сороковых, пятидесятых. Работается трудно? Так ведь и тогда трудно работалось, а жилось хуже. Кто же помнит, как худо жили еще в начале шестидесятых, когда и в колхозе не платили, и приусадебные хозяйства прижали?

А теперь?... Мы давно уже забыли, как крестьянин *может* жить, но хорошо помним, что еще недавно он жил так, как жить нельзя, как жить *невозможно*. Из народного сознания давно утратилась память о жизни при НЭПе или, тем более, о дореволюционных временах, — правда под запретом, а ложь безразлична, — но хорошо помнится колхозная каторга в ее худшие годы. От тех мертвых точек и идет отсчет благополучия. Лишенный истории, лишенный опыта предков и знания того, как он мог жить, крестьянин оценивает нынешние дни свои, сравнивая их лишь с худшими днями своей же жизни: «Ничего, дышим!»

Мы же, горожане, оцениваем жизнь крестьянина и вовсе исходя из представлений, навязанных нам газетами, журналами и бдительно отснятыми и тщательно смонтированными телефильмами. Да еще по базарным впечатлениям: «На Черемушкинском рынке телятину по семи рублей продают! Обнаглели колхозники. Куда же они деньги девают?» И снова вспоминается тот послевоенный мешок денег, потрясший мое детское воображение. Уж теперь-то в этом мешке и точно сто тысяч.

Кто же не замечает: жить стало легче, ослабили петлю — сегодня не продувной голод, по городам крестьяне не побираются, с голоду не пухнут и даже на одной картошке не сидят подолгу... однако, взглянемся в сегодняшнюю крестьянскую сытость, в быт крестьянина, в его траты и сбережения. Зная, каковы крестьянские труды, посмотрим, велик ли запас накопился трудами этими?

Запасают деньги — не мешок, конечно, но случись что, на первый момент хватит. Запасают зерно — хлебом-то начали торговать в деревне всего лет десять назад, а возникнут трудности, кого в первую очередь прижмут? Крестьянина. А хлеб да картошка — главная еда... Запасают шифер — когда крыша прохудится, его сразу и не найдешь... Наша Аксинья Егорьевна держала про запас бочонок соли. Зачем? Не знаю. Уж что-что, а соль-то всегда есть в продаже. Может быть, в войну насиделись без соли? Как-то неловко было спрашивать, да она и не стала бы рассказывать о своих запасах — отговорилась бы как-нибудь. Без соли нельзя. Городская семья, если и квасит капусту, если и солит огурцы, то лишь для особого удовольствия, поскольку домашнее лучше покупного. Крестьянин ничего такого купить не может. Если не сделает дома, — будет без солений, а без них и вечная картошка в горло не полезет...

Горожанин купит подушку в магазине. Крестьянин будет по пушинке собирать ее годы. И чем бережливее хозяйка, тем тяжелее ее подушки и перины... Но на все это нужно время и силы, время и силы.

Домашнее хозяйство, домашняя промышленность — неотъемлемое продолжение приусадебного хозяйства. Без этих трудов не прожить, а времени они занимают — особенно у женщин — не меньше, чем огород и скотина:

в среднем по три часа в день... Где же силы берутся?³³⁾

Крестьянин жив постольку, поскольку ведет свое приусадебное хозяйство. Засуха — его *личная* беда, и тут хоть по былинке, а кормов скоту где-то набрать надо... Колорадский жук, завезенный нерадивыми чиновниками из Польши с импортным семенным картофелем — его *личная* беда, ползай на карачках, собирай в банку с керосином. Болезнь скотины — его *личная* беда, и если гибнет годовалый бычок, готовый на продажу, по нему в голос причитают — так, что встревожишься, не умер ли кто из близких?

От всех неожиданностей не застрахуешься, но хоть небольшой запас, а нужно бы иметь во всем.

Хуже всего крестьянину, когда сам заболел. В своем хозяйстве кому бюллетень предъявить. Колхозные гроши, конечно, получишь — и за них спасибо, до 1964 года вообще ничего не давали. Но если колхозного заработка и целиком мало, что там проценты по бюллетеню! Свое добирать и больному приходится.

Аксинья Егорьевна давно как-то жаловалась: так болела, так болела, что и *лежать больно было*, а позвали в лесхоз — косить по болоту, две копейки зарабатывать

---

³³⁾ «...52,9% обследованных лиц в течение недели каждый день в среднем расходовали на ведение домашнего хозяйства более 5 часов. Две трети из этого числа составляют женщины...49,4% обследованных мужчин и 47,3% женщин в течение недели каждый день трудились в подсобном хозяйстве. При этом в общем числе лиц, ежедневно затрачивающих на работы в подсобном хозяйстве от 2 до 5 часов, мужчины составляют ровно половину». В.Т.Колокольникова. Брачно-семейные отношения в среде колхозного крестьянства. «Социологические исследования» №3, 1976г., стр.84

— не просто пошла, побежала. Знакомому леснику бутылку купила — спасибо, что позвал. Зимой хоть и здоровая будешь, а сена-то где возьмешь?

Пенсия по старости — двадцать рублей. На двадцать рублей и голодая не проживешь. Но зато, как милость, шестидесятилетней старухе оставляют приусадебный участок: пользуйся, старая, ломай спину, авось, еще заработаешь. Да и стране твоя картошка необходима, без твоих трудов не обойтись. Социалистическое отечество в голодной опасности. Если нет сил самой обрабатывать землю — зови своих детей-горожан. Они возьмут отпуска или отгулы или так прогуляют, но картошка важна и им,— приедут и помогут. Да и сама, конечно, не станешь сидеть сложа руки.

Если кому-то затмило, и не видит он, что крестьянин работает *два рабочих дня* ежесуточно — в колхозе и в своем приусадебном участке, пусть посмотрит он на сельских стариков: им остался один рабочий день, но лишь потому, что колхозная барщина отпустила их.

Власть равнодушна к судьбе сельских стариков, и они это знают. Но сам о себе кто не подумает? В старость и в болезнь заглядывать боязно — и очень уж страшные лики оттуда смотрят. Пока можно, все хотелось бы лишнюю десятку отложить, застраховаться. Так что крестьянский мешок с деньгами очень похож на нищенскую суму, и не сто тысяч в нем, а пропитание на черный день. Для того, чтобы в такой мешок собрать самое необходимое, крестьянин должен сократить и без того скудное ежедневное потребление, урезать потребности семьи до первобытного уровня.³⁴⁾

---

³⁴⁾ «Мелкий производитель гонит на работу детей с более раннего возраста, работает большее число часов в день, живет

Я понимаю, сказать «крестьянин должен сократить потребности» — неточно. На потребности волевым актом не подействуешь, и если Аксинья Егорьевна говорила, что не знает вкуса чая, то она в нем потребности не испытывала. Но здесь нам терминологические тонкости не важны... Вкус мяса, конечно, все знают, но даже по официальной статистике на душу сельского населения приходится в день чуть более ста грамм мяса и сала. Если же учесть, что от потребления сливочного масла крестьянин дальше, чем Аксинья Егорьевна от чая, если учесть, говоря неловко, но лаконично, что сало — «основные жиры» в крестьянском рационе — на нем жарят картошку, с ним варят щи, и что во время четырех-пяти праздничных застолий мяса съедается немного более ста граммов, то от куска мяса для ежедневного потребления ничего не остается. Впрочем, был ли он, этот кусок?

Официальная статистика, кажется, существует с единственной целью: поглубже запрятать истину. Очень помогает в этом разделение крестьян на колхозников и рабочих совхозов, поскольку вторых можно учесть среди городских рабочих и служащих. Скажем, учитывается потребление мяса и сала на душу населения. Показано: в «бережливее», урезывает свои потребности до того, что в цивилизованной стране выделяется как настоящий „варвар“...» Ленин (соч. 3-е изд. т.2, стр.468-469) здесь комментирует Каутского и Маркса. Многое из того, что Каутский сто лет назад писал о западноевропейском крестьянстве, особенно о мелких хозяйствах, применимо сегодня к крестьянству советскому, социалистическому, которое выше уровня вековой давности так и не поднялось. Точная мысль Каутского подсказала мне и название этой работы: «Крестьянское искусство голодать может вести к экономическому превосходству мелкого производства».

семьях рабочих и служащих — 51 кг., в семьях колхозников — 37 кг. Но в первую группу входят и рабочие совхозов, потребляющие не больше колхозников, и партийные крупные хозяйственные чиновники, чье продовольственное потребление ограничено лишь физиологическими возможностями. Показатель по группе снижается. Разрыв между различными группами населения не так зияет. А средняя цифра по стране остается без изменений: «Что поделаешь, у нас пока нет изобилия, всем одинаково трудно...»

Но и этого оказалось мало: в последние годы даже и колхозников перестали выделять в статистике продовольственного потребления. Есть общая цифра — в 1977 году, например, показано 57 кг. на душу населения мяса и субпродуктов, — и предполагается, что колхозник и начальник сельхозуправления едят одинаково.

Какой изощренный негодяй дал название ресторану, поставленному среди подмосковных дач крупнейших партийных чиновников: «Русская изба»? Да был ли он когда-нибудь в русской избе? Не в барской ли усадьбе так жрут?

По нормам, разработанным Институтом питания Академии медицинских наук, для поддержания нормальной жизнедеятельности взрослый человек должен потреблять в среднем 81 килограмм мяса и сала в год. В длинном списке продуктов этого идеального рациона лишь картофель и хлеб потребляются крестьянином сверх нормы. Хотя, впрочем, и потребление советских горожан — даже учтенное по методике ЦСУ — сильно не дотягивает до нормы...

Мясо в деревне не только не едят каждый день, но и не каждую неделю появляется оно в рационе крестьянской семьи. Крестьянин и его семья *должны* обходиться без

мяса, *должны* утолять голод картошкой и хлебом. *Должны*, потому что поставлены в такие условия, когда *иначе никак не могут* удовлетворить самые элементарные потребности в одежде, жилье и т.д., как только за счет точно таких же элементарных потребностей в калорийной белковой пище.

Нехватка мяса и белков особенно сказывается на развитии детей и подростков. Школьники-подростки в сельской местности на 10-20 см. ниже ростом, чем городские школьники. Исследования разницы умственного развития нигде не опубликованы, да и вряд ли проводились из страха, что реальность заведомо не соответствует пропагандистской болтовне. Однако, как косвенное свидетельство нарушения умственного развития, можно отметить тот факт, что среди сельских юношей 15-19 лет смертность от психических расстройств в 3 раза чаще, чем среди их сверстников-горожан.³⁵⁾ Это психические расстройства, доводящие до смерти. А не до смерти — сколько? Сколько даже не до такой степени, чтобы обратиться к врачу и быть взятому на позорный (в крестьянском сознании — чуть не равный смерти) учет в психдиспансере?³⁶⁾

Содержание даже самых нормальных, настоятельных потребностей, воспитанных всей нищенской жизнью крестьянина, чрезвычайно бедно, уровень запросов низок, — самый низкий по сравнению с любыми другими

---

³⁵⁾ М.С.Бедный. Продолжительность жизни в городах и селах. «Статистика». М., 1976, стр.46 и 73.

³⁶⁾ В сознании обывателя любой пациент психиатра — не человек, но нелюдь. Его судьба может вызвать любопытство, но уж никак не жалость, не сочувствие. Именно на этом и строится политика властей, когда они заключают в психушки инакомыслящих — пусть хоть и совершенно здоровых людей.

слоями общества.

Скажем, городская семья потребляет 150 ведер воды ежедневно. Попробуйте на два дня прекратить подачу воды в городской дом и предложить его жильцам ведрами носить воду из соседнего. Это невозможно. Протест едва ли не примет политический характер. Между тем, каждая вторая крестьянская семья таскает воду более, чем за сто метров, а некоторые — каждая десятая семья — более, чем за полкилометра. На себе, конечно, таскают: спасибо властям, крестьянину не надо заботиться о лошади, да и угрозы зрелому социализму никакой нет.³⁷⁾

«Согласно данным сельских советов, только 17% обследованных населенных пунктов располагают водой хорошего качества, в 70% вода была удовлетворительной, а в 13% — засоленной или загрязненной».³⁸⁾ Что такое «удовлетворительная» вода из сельского колодца, знает всякий, кто хоть раз бывал в деревне — мутная взвесь, которая оставляет на дне ведра на палец грязноватого осадка. Но этой хоть дай отстояться — и пей. А «загрязненную и засоленную» не выпаришь и не профильтруешь — так и пьют. Не то, чтобы привыкли, кто к «удовлетворительной», а кто к соленой — просто в большинстве случаев иной не знали.

И никакая санитарная инспекция не в силах решить водную проблему. Санитарный врач может закрыть колодец и оставить деревню совсем без воды. Но он не в силах заставить выкопать новые колодцы, пробурить артезианские скважины — нет средств, некому строить колодцы, да и желания нет у местных властей заниматься

³⁷⁾ Миграция сельского населения. «Мысль». М., 1970, стр.313.

³⁸⁾ Там же, стр.312.

таким строительством.

Большинство колодцев в среднерусских деревнях построено еще в прошлом веке — и с тех пор гигиена пользования ими ничуть не улучшилась — разве лишь срубы несколько раз обновлялись. С местных властей не требуют ни снизу — крестьяне «не знают вкуса» чистой воды, ни сверху — чиновники районного масштаба, — а тем более областного или столичного, — и вовсе нет нужды беспокоиться о деревенских колодцах. Они и средства выделять не торопятся...

Везет лишь тем селам, где построены большие скотоводческие фермы. Тут обычно бурится артезианская скважина, — скотина получает воду под нос, в автопоилки — за это с руководителей спрашивают — человек берет из уличного гидранта. И ничего, что вода не приблизилась — хорошо хоть чище стала, хоть не лазают в нее каждый со своим ведром. Вот как удачно бывает, когда личные интересы совпадают с интересами общественными (с интересами колхозной скотины)...

Организация медицинской помощи в сельской местности заслуживает отдельного исследования. Но, по крайней мере, очевидно, что чем дальше от больницы, то есть чем дальше от крупного села или районного центра, тем меньше возможность получить своевременно помощь квалифицированного врача. И хотя смертность в сельской местности значительно выше, чем в городе, крестьяне обращаются к врачу в два-три раза реже, чем горожане...³⁹⁾ Однако, в мелких поселках, наиболее удаленных от больницы, людей, недовольных медицинской помощью, как раз *меньше*, чем в крупных

---

³⁹⁾ М.С.Бедный. Продолжительность жизни в городах и селах, стр.31.

селах.⁴⁰⁾ Парадокс потребностей?

Когда Аксинья Егорьевна болела так, что ей «лежать было больно», она ведь не к врачу отправилась за пятнадцать километров, да на попутной машине (если, конечно, посадит, а нет — пешком), но в противоположную сторону и тоже за пятнадцать километров, в болото, косить... Визит к врачу занимает весь день, а если не повезет, то и с ночевкой застрянешь. Когда нужны анализы или исследования — уйдет неделя. Кто из крестьян позволит себе такую «бесплатную» медицинскую помощь, особенно летом? Да она дороже обойдется, чем недельное содержание личного врача, коль такое возможно было бы.

Аксинье Егорьевне и в голову никогда не приходило, что врач может прийти на дом. Разве что ветеринарный врач — за трешницу либо за бутылку — к заболевшему парасуку. А себе-то она и девчонку-фельдшера ни разу не позвала, — в последнюю зиму, уже помирала, а все на другой конец деревни брела, в медпункт. И только за неделю до конца, когда совсем слегла, с благодарностью, хотя уже и обессиленным шепотом, встречала фельдшерицу, приходившую колоть морфий... Ей ли, Аксинье Егорьевне нашей, было жаловаться на плохую медицинскую помощь?

Да если и доберется крестьянин до районного города, до больницы, как-то еще его там встретят? Реальное состояние медицинского обслуживания — запретная тема. Но все-таки вот нечаянное свидетельство в журнале «Работница» (№5, 1977): «ПОМОЩЬ ОКАЗАНА. Л.В.Неструева из г.Алги, Актюбинской области, написала в редакцию письмо о плохих санитарных условиях в местном родильном доме и о невниматель-

---

⁴⁰⁾ Миграция сельского населения, стр.298.

ном отношении медицинского персонала к больным...

Как сообщила редакции заместитель министра здравоохранения СССР Е. Ч. Новикова, приведенные в письме факты о недостатках в организации родильного отделения больницы г. Алги в основном подтвердились. По результатам расследования жалобы приняты следующие меры: родильное отделение г. Алга, Актюбинской области, переведено в новое помещение, обеспечено горячей водой, необходимым инвентарем; установлено круглосуточное дежурство врачей — акушеров-гинекологов; усилен контроль за санитарно-эпидемиологическим режимом родильного отделения. Л. Н. Неструевой оказана высококвалифицированная медицинская помощь».

Сколько же времени принимали они — в самой передовой стране мира — роды без горячей воды, без необходимого инвентаря, а по ночам и без акушеров? Много ли таких больниц и родильных домов? Едва ли не все. По крайней мере, я сам слышал, как женщина, плача от обиды, рассказывала, как в одном из московских родильных домов ночью едва не родила ребенка в унитаз, не умея докричаться до уснувших сиделок. Так что вряд ли долго продержится в больнице г. Алги «санитарно-эпидемиологический режим» после того, как столичное внимание проскользнет мимо. Одна отчаянная пожаловалась — «на сигнал отреагировали», а многие ли знают, что можно и должно иначе — рожать, жить, умирать?...

Аксинья Егорьевна вообще никогда никому ни на что не жаловалась. Для того, чтобы пожаловаться, нужно осознать себя отдельной, особенной личностью, субъектом права. Реальное право рождает потребность, так же как и настоятельная потребность вынуждает

искать права. А какие права знала за собой Аксинья Егорьевна? Никаких. Разве что право на свой приусадебный клочок земли — да и то лишь в ответ на обязанность работать в колхозе. И в старости — право на двадцать рублей пенсии. Все. Эти права незыблемы. Остальные, напротив, очень и очень зыбки. Для крестьянина весь кодекс законов заменяется сельским обычаем: «Не хуже людей живем,— и ладно».

Ровесница нашей Аксиньи Егорьевны, крестьянка подмосковного села Уборы, Клавдия Васильевна Юдакова в течение многих лет, работая в колхозе, подрабатывала уборщицей в клубе, получая за то десять рублей в месяц,— деньги, конечно, ничтожные, но когда без мужа растишь четырех девочек, каждому рублю рада. Когда же пришел срок рассчитывать пенсию, оказалось, что ставка уборщицы по меньшей мере *на тридцать рублей больше*. Значит, ежемесячно у Клавдии Васильевны воровали тридцать рублей. Председатель сельского совета воровал... Но нет, Клавдия Васильевна не пошла жаловаться, не стала искать своих денег, заработанных из последних сил. Спасибо, хоть пенсию от полной суммы начислили. А с начальством лучше не связываться, прав не будешь.

Я не стал бы рассказывать здесь эту историю, слышанную мной от самой Клавдии Васильевны,— она достаточно ординарна,— и если задаться целью, то подобных историй можно было бы насобирать не один том,— мало ли самого дикого средневекового бесправия на необъятных просторах нашей Родины? Но село Уборы — оно отнюдь не затеряно в просторах, но находится в полчаса езды от столицы и между двумя самыми привилегированными санаториями страны, между «Соснами» и «Барвихой», к которым без пропуска

и подойти-то близко не пускают, чтобы не нарушил кто ненароком покой членов ЦК партии, там отдыхающих.

На том бы и закончить историю о Клавдии Васильевне, если бы не фантастический случай: в «Соснах» отдыхал как-то сам Косыгин, и, гуляя, вышел за территорию, оказался в Уборах и встретился с Клавдией Васильевной, которая как раз в те дни переживала раскрывшийся обман. Разговорились. («Я-то с нашими старухами была, а с ним еще какой-то мужчина».) Думаете, пожаловалась? Нет, и в голову не пришло. В сельском обычае скромность... О чем же говорили-то? *Он их спрашивал, отчего это у молодежи вошло в обычай бежать из села?* Он, видите ли, понять совершенно не может...

Обычай — банк крестьянских потребностей. Но банк с весьма ограниченным капиталом. Крестьянская семья может годами пить тухлую колодезную воду, и никто не пожалуется, никто не вспомнит о своих правах на элементарные бытовые услуги: *все* такую пьют. *Все* едят мясо лишь по праздникам. *Никто* не помнит, чтобы врач посетил больного. Какие же могут быть претензии? Откуда же взяться потребностям?

Современный крестьянин время от времени слушает радио, смотрит телевизор, иногда бывает в кино, читает или хотя бы просматривает ту или иную газету. Но все красивые, справедливые бытовые, нравственные и административные нормы, которые приходят к нему по этим каналам — лишь к сведению. В повседневной жизни руководствоваться ими невозможно.

Как бы сытно и разнообразно ни ели герои телеэкрана — все эти посетители «Русской избы», — зрителю-то больше, чем он обычно ест, больше, чем едят его соседи, а значит, больше и лучше, чем *все* едят, взять

негде... Как бы ни были демократичны отношения между начальством и рабочими в кинофильмах, все же понимают, что это так, игра, для времяпрепровождения, а на самом деле-то к председателю колхоза со своими нуждами не подступись, — он тебя в упор не увидит, ему некогда, его в райкоме ждут. А возвысишь голос до протеста, — он тебя размажет между ладоней: его, уверенного хозяйственника, райкомовского тиуна и ключника, дающего план, никто не тронет, разве что пожурят за неумение заткнуть рот недовольному. Сам же недовольный увидит врагом могущественного заместителя государственной власти... Да нет, до вражды редко кто доходит, разве что самые отчаянные или отчаявшиеся. Такая вражда кончается в лучшем случае тем, что прижмут крестьянина так, что не вздохнет, пока не покается, а в худшем придется ему проститься с родными местами: примерно пятеро в каждой сотне взрослых мигрантов из села — бегут от гнева начальства...⁴¹⁾ В руках у председателя и право урезать приусадебную землю, и возможность обделить кормами для скота, и много, много иных способов сделать жизнь крестьянина невозможной. Впрочем, крестьянин редко выходит за рамки обычая, а спорить с начальством, искать прав, конечно, вне обычая.

Обычай не обязательно напрямую эксплуатирует свою жертву, как он эксплуатирует нашу знакомую учительницу, заставляя ее выращивать ненужный картофель. Чаще обычай сказывается в активизации или угнетении тех или иных потребностей. А уж настоятельные потребности заставляют крестьянина искать дополнительного заработка. Но где же его найти,

---

⁴¹⁾ В.И.Староверов. Социально-демографические проблемы деревни. «Наука» М., 1975., стр.128.

как не в собственном приусадебном хозяйстве?

В огуречном селе Посады, где живет механизатор Гавря Тюкин, в обычае строить большие каменные дома: видом этого села с его сверкающими оцинкованными крышами, мы уже имели возможность любоваться на страницах нашего очерка. Дома и впрямь неплохи — особенно радуют глаз приезжего неожиданные для сельской постройки огромные дачные террасы. Но такая терраса не каждой семье по карману, да и совершенно бессмысленна она, по крайней мере, десять месяцев в году. Но строят и долго еще будут строить именно так. Будут надрываться, искать исчезнувшее в последние годы из продажи цветное стекло, откажут себе в последнем, но построят свой дом *как все строят*.

Гавря Тюкин, может быть, и мечтал бы построить что-нибудь попроще, но против обычая не пойдет. И потратив десять лет жизни на строительство своими руками каменного дома под оцинкованной крышей, он из последних сил пристроит террасу, но никак не станет благоустраивать дом внутри. И переедет, по сути дела, из старой закисшей избы точно в такую же — разве что более прочную.

И не только потому Тюкин не станет перечить обычаю, что побоится почувствовать себя в одиночестве холодно и неуютно, но прежде всего потому, что террасу-то он хоть и из последних сил, да все же пристроит, а ни водопровод, ни канализацию, ни центральное отопление ему пока никак не осилить. Обычай хоть и «деспот меж людей», но все же от экономической реальности не отрывается. Не только обычай диктует, как жить, но и возможности жить так или иначе — формирует обычай...

Но ведь есть же другая жизнь! Ведь есть «маяки» —

читаем же мы о них в «Правде» и «Огоньке», читаем и картинки разглядываем. Ведь есть же хозяйства, где работники получают из колхозной кассы поболее иного промышленного рабочего. Они-то хоть не так материальной нуждой зажаты?

Один журналист, демонстрирующий нам социологический подход,— мы уже знаем этого автора как умиленного наблюдателя крестьянского безлошадного счастья (см. выше),— на сей раз вдохновенно живописуя быт типичной, по его мнению, сельской семьи — семьи совхозного механизатора с ежемесячным доходом при двух работниках 484 рубля,— то есть в два раза выше среднего,— с восторгом замечает: «В общем, теперь семья Александровых расходует на приобретение промтоваров втрое больше денег, чем пять-шесть лет назад...

Солидную статью расходов составило приобретение современных, «модерных» предметов, заменяющих старые, вышедшие из моды: вместо оттоманки, которую отправили в печь, привезли из Ленинграда диван-кровать и т.д.»⁴²⁾

Все правильно: для семьи, еще недавно жившей в полной нищете, для семьи, которая, по свидетельству самого автора, лишь в последние годы смогла приобрести шкаф, стол, стулья,— для такой семьи и диван-кровать роскошь. Дай Бог, Александровым спать мягко на этом диване... Но к чему восторг, коллега? Вы сами-то не на оттоманке спите? Да и стол со стульями у вас, должно быть, не первый год?

Наша Аксинья Егорьевна точнее публициста заметила прогресс в жизни деревни: «После войны,

---

⁴²⁾ П.Шелест. Одна сельская семья. стр.97, 75.

бывало, да и недавно еще, — идешь по деревне и видишь, как сосед вшей бьет — ни занавесок, ни подзоров на окнах. Теперь-то куда лучше! Кой у кого и занавески тюлевые...»

Огромному большинству крестьянских семей, доход которых вдвое, а то и вчетверо меньше, чем у Александровых, и вовсе не до модной мебели. Если мы станем измерять уровень жизни и уровень потребностей крестьянина той же меркой, какой измеряется жизнь всего общества в целом, то верхняя половина шкалы нам не понадобится. И хотя в ином крестьянском доме появился телевизор, трехстворчатый шкаф и даже диван-кровать, уровень жизни и уровень потребностей крестьянина соответствует той, по сути своей мелкотоварной, нищенской, *докапиталистической* форме хозяйствования, которая единственно возможна на приусадебном участке в условиях ограниченного рынка, в условиях административных запретов на частную инициативу в широком масштабе, в условиях крепостнических земельных отношений, столь характерных для общества «развитого, зрелого социализма».

И надо ли удивляться, что «семьи, в бюджете которых доход от личного подсобного хозяйства составляет заметную долю, не соглашаются на его сокращение даже при условии предоставления им коммунальных удобств (при переселении в казенные квартиры в многоквартирных двух-трехэтажных домах, — Л.Т.)»⁴³⁾ Но приняв эту очевидную истину, исследователи потребностей тут же торопятся застраховаться: «Почти во всех селах имеются группы людей, предпочитающие жить в двухэтажных домах со всеми удобствами, не занимаясь уходом за

---

⁴³⁾ Миграция сельского населения. стр. 311.

скотом, огородом, не топя печи в течение большей части года».

Какая мысль за этой фразой? Разве, при всей неразвитости крестьянских потребностей, есть хоть кто-нибудь, кто *предпочитает* топить печи, когда — при прочих равных условиях жизни — есть возможность пользоваться центральным отоплением? Разве кто-нибудь находит удовольствие копаться руками в коровьем дерьме и не *предпочел бы* отказаться от этого занятия при достаточных средствах, при возможности приобрести механизмы, заменяющие ручной труд в крестьянском хозяйстве, при возможности купить мясо и молоко?

Крестьянин может всю жизнь пить «удовлетворительную» воду, но если, хотя бы на другом конце села, есть чистый колодец — *он предпочтет* его всякому другому.

Настойчивые опросы, проводившиеся социологами, показывают, что вроде бы 95% колхозников удовлетворены своим материальным положением и работой в колхозе,⁴⁴ но это совсем не значит, что они *не предпочли бы* иной образ жизни (и иначе поставленные вопросы интервьюеров-социологов), будь у них выбор. Но выбора-то им как раз и не предоставляют...

Не «почти», а во всех селах, и не «группы людей», а всё население полностью *предпочитает* жить по-

---

⁴⁴ См., например, И.Т.Левыкин. «Аграрные преобразования и изменения психологии советского крестьянства». В кн. «Проблемы аграрной политики КПСС на современном этапе». Политиздат. М., 1975. т.2, стр.373. (Да уж самые славословные авторы очень любят вставлять в название работ и книг слово «проблемы», хотя непонятно, какие могут быть проблемы, если 95% опрошенных всегда всем довольны?).

человечески. Но возможно это лишь в двух случаях: или когда крестьянин станет наёмным рабочим, сельским пролетарием в полной мере, и в виде заработной платы целиком получит причитающуюся ему часть необходимого продукта, или когда крестьянин станет фермером и сам, подчиняясь лишь законам и требованиям рынка, распорядится произведенным на ферме продуктом.

Ни первый, ни второй варианты не могут быть реализованы при нынешних социально-политических и экономических условиях. Поэтому, продолжая *предпочитать* жизнь цивилизованную, с коммунальными удобствами и прочими благами нашего века, крестьянин в то же время продолжает топить печи «в течение большей части года» и продолжает вести приусадебное хозяйство. В противоположность ученым-социологам крестьянин соразмеряет потребности с реальной жизнью. И поэтому кормит и себя, и социологов, изучающих его предпочтения.

VI

В свою последнюю осень Акси́нья Егорьевна вдруг решила, что нужно пригласить печника и сложить новую русскую печь, поскольку у старой давно уж обвалился свод, да и по челу прошла такая трещина, что в ней поселились мыши. И хотя лет уже пять или даже больше изба хорошо отапливалась небольшой конфорочной печуркой, неисправная печь нарушала покой и гармонию крестьянской души. И когда случилось, что какой-то проезжий шофер остановился посреди улицы и предложил, не возьмет ли кто у него за бутылку машину песка, Акси́нья Егорьевна велела песок свалить возле дома, и тут уж точно решила, что раздобудет тысячу кирпича и позовет мастера... Но осенью печь так и не сложилась, зимой такие работы не делаются, да и не до них было за болезнью, а к весне и

самой хозяйки не стало, — развалившаяся печь по-прежнему занимала половину избы, но теперь уже не нарушая ничье душевное равновесие.

Однако в начале апреля неисполненное намерение соседки вспомнилось: бесхозная куча песка вдруг возникла из-под снега между домом Аксиньи Егорьевны и моим. Вспомнилось, и тут же забылось: песок сделался детской площадкой для ребятишек нашего края села...

Не знаю, отчего уж так получилось, но деревенские дети — эти Аленушки, Иванушки, Машеньки из русских сказок — не только теперь иначе зовутся, но и сказок-то не вспоминают в своих играх. Слушая детские разговоры и различая сюжеты игр на песочной куче, я ни разу не слышал упоминания сказочных зверей или таинственных сил. Впрочем, может быть, дети всегда были существами мыслящими прагматически и всегда играли с наибольшей охотой во взрослых, оставляя взрослым сочинять сказки и играть в детей? Не знаю. В Москве трехлетняя дочь моих хороших знакомых, усаживаясь на качели, оставляет рядом с собой свободное место, которое, оказывается, вовсе не свободно, но зянято домовым, — он не видим взрослым, но хорошо различим ее воображению: мохнатенький, добрый, и еще у него зубы болят... Ребенка с детства научили восприятию сказки.

Но на песочной куче играли не в домового. Крошечная рыжая девочка лет четырех, едва научившаяся правильно говорить, изо дня в день повторяла игру, приводившую в восторг и ее саму, и ее ровесницу-соседку. С детским бидончиком рыжая как бы шла к маме на работу за молоком. Бидончик заполнялся водой или песком. "А теперь давай молоко прятать!" — говорила рыжая...

Я не сразу понял, что дети играют в то, как они *воруют* молоко на ферме, или, вернее, в то, как они помогают матери воровать молоко, — мать рыжей девочки работала дояркой. Дети не знают, что значит воровать, для них спрятать "молоко" — что-то вроде игры в "тепло-холодно"... но *взрослые не знают, что значит не воровать.*

В последнее время даже в партийных кругах все чаще стали поговаривать о колоссальном размере воровства в стране. Называют даже какие-то цифры и данные, добытые органами юстиции и милицейскими ведомствами. Но все это несерьезно. Во-первых, воровство не укладывается ни в какие цифры, а во-вторых, явление это вовсе не по части карательных органов. Воровство, особенно в сельской местности, стало промыслом, без которого не прожить. Это торговый ряд на черном рынке.

Для крестьянина воровство — продолжение его борьбы за свою долю необходимого продукта, продолжение приусадебного хозяйства. Крестьянское хозяйство невозможно вести без инвентаря, без хозяйственных построек, без тысячи мелочей: без мотка проволоки — починить на скорую руку плетень, без машинного масла — смазать колеса у тележки, с которой за сеном ходят, без самых этих колес, без гвоздей... Сколько бы мы ни тыкали пальцем, стоя посреди крестьянского двора, в различные предметы вокруг нас, окажется, что почти ни один из них не куплен. И не потому, что крестьянин — тип изначально безнравственный и украсть гвоздей на гривенник ему приятней, чем купить. Просто купить все это негде, ничто из необходимого не продается. Но раз не продается, а хозяйство-то все равно вести нужно, — значит, ворует-ся...

Нет, все-таки с цифрами в руках проще представить о чем идет речь: "В 1964 году в среднем на колхозный двор было выдано за работу в колхозе и продано сена и соломы на 37% меньше, чем в 1958 г. В связи с этим в ряде районов страны расхищались общественные фуражные запасы... В 1964 году в колхозах Львовской и Николаевской областей в среднем на хозяйство колхозника было похищено соответственно: сена 85 и 150 кг., соломы 110 и 140 кг."⁴⁵⁾ Это единственное в своем роде печатное признание зависимости между производством необходимого продукта и воровством. И у нас есть все основания распространить найденную зависимость на приусадебное хозяйство в принципе.

Кто продаст крестьянину необходимые два-три мешка удобрений? В колхоз за ними не ходи, скажут: самим не хватает, — и не без оснований скажут... А кто украдет, тот и продаст. Впрочем, чаще сам крестьянин и украдет, — воровство пока не стало профессией для каких-то определенных лиц в деревне, как выращивание огурцов для семьи Тюкиных, — общественное разделение труда не сильно коснулось этого промысла, к которому как раз и применимо определение "подсобный и личный".

В магазинах, кроме ведер и лопат, ничего нет. Но всё есть в колхозе. Нужны колеса для тележки? Пойди на машинный двор — там наверняка какие-нибудь валяются... Нужна веревка на ворота? Пойди к леснику, он получит свое и отвернется, когда ты ее из лесу потянешь... Нужна машина, дров привезти, не ходи к председателю колхоза, не даст. Договорись с шофером, — тот привезет, украдет эту услугу из колхозного

---

⁴⁵⁾Т. В. Дьячков. Общественное и личное в колхозах. стр. 57

бюджета.

Где бы Акси́нья Егорьевна или Гавря Тюкин могли бы купить машину песка, необходимого одной для ремонта печи, другому — для строительства дома? Нигде не купишь. Но можно договориться, чтобы для тебя украли, — вору заплатишь, как заплатила Акси́нья Егорьевна тому шоферу. Впрочем, шофер тоже не подбирался к песчаному карьере тайно, аки тать в ночи, но подъехал среди бела дня, экскаватор нагрузил машину и так же среди бела дня шофер поехал по селу, спрашивая, не нужен ли кому песок в обмен на бутылку водки.

В магазинах ничего не купишь — чего-то не привезли, а чего-то и в принципе не бывает в продаже. В колхозе не выпишешь, колхозу и самому невеликие фонды выделяются, а что можно бы и уступить частному лицу, то в первую очередь получают люди, которые около председателя кучкуются... И в то же время все кругом продается и покупается.

Легального рынка товаров и услуг, необходимых в крестьянском хозяйстве, не существует, но действует и процветает колоссальный рынок краденого. И если мы говорим, что основные фонды приусадебного хозяйства оцениваются сегодня десятью миллиардами рублей, то сумму ежегодных краж в сельской местности нужно оценивать миллиардами же рублей и не поднимать потешную возню по поводу того, что, по сведениям МВД, ежегодные хищения по всей стране отнимают-де у государства двести-триста миллионов.⁴⁶⁾

---

⁴⁶⁾(См. предыдущую сноску) — Высокомерная позиция не пристала: нам все прилично. Тем более, что этот рынок, существующий побочно от плановой экономики, является своего рода "приусадебным хозяйством" для миллионов горожан... У нас будет время вспомнить об этом еще раз, но, увы, подробное рассмотрение увелет нас от нашей главной темы, от крестьянского искусства гелодать.

И, конечно, объект воровства — не только предметы производственного назначения. Если воруют материал для строительства хлева, корма для коровы, услугу ветеринара, то почему бы сразу не украсть конечный продукт — молоко?! И воруют. Крадут все, что производится на колхозных полях и на фермах — кроме, разве, живого скота. Впрочем, десятками способов исхитряются воровски забивать скотину и ташат мясо.

И сами крадут и детей посылают.

Я знаю многолетние крестьянские семьи, где дети начинают воровать с пятилетнего возраста. Да нет, не дети же воруют! Взрослые воруют детскими руками: скажем, в полном составе семья идет в колхоз работать на току. У каждого в руках по ведру. Нарботать — немного наработают, но перед уходом домой ведро смачивается, к влажным стенкам прилипает зерно... Самый маленький, конечно, не работал, а так, поиграть ходил со старшими, но и его кармашки плотненько набиты зерном, — старшие позаботились. Вчетвером, впятером сходили — полведра принесли.

Доярки обручают детей, и те носят молоко с фермы даже и в детской посуде. А уж грелка для сельского жителя — идеальный воровской инвентарь: удобнее предмета для кражи молока не сыщешь.

В послевоенные голодные годы, было время, при входе в деревню обыскивали крестьян, возвращавшихся с полей. Я узнал об этом случайно: женщина, с которой я разговаривал на сельской улице, зло плюнула вслед прошедшему мимо человеку, — оказалось, он в какое-то время был тут председателем колхоза и лично ошупывал мою знакомую, нашел спрятанные ею в одежде три морковки, которые она несла детям. Нашел и отобрал... Такое не забывается и через тридцать лет.

Но если взрослые воруют, как работают, — то есть получают некий продукт, который иначе не заработаешь, то дети — прежде всего получают моральный урок. И сколько бы потом в школе и в обществе ни проповедовали седьмую заповедь, проповедь лишь будет расшатывать цельное мировоззрение, усвоенное на деле во время невинных детских краж, но, расшатывая, вряд ли даст взамен что-нибудь столь же прочное, как убеждение, что не своруешь — не проживешь.

В предыдущей главе мы, пожалуй, слишком легко проскочили мимо одного очень важного свидетельства медиков, которое здесь уместно привести целиком: "В 15-19 лет в сельской местности, сравнивая с городом, становится заметной более высокая смертность от болезней нервной системы органов чувств (в 2,5 раза), психических расстройств (в 3 раза)... Характерно то, что в этом возрастном периоде нет ни одной причины смерти, которая имела бы более высокие показатели в городах, нежели в сельской местности".⁴⁷⁾

Может быть, обостренная чувствительность юношеского возраста до трагических размеров усиливает в сознании разрыв между идеалом, проповедуемым ежедневно и ежечасно по всем каналам информации, и реальностью? Может быть, хрупкое юношеское сознание со смертельной остротой осознает ложь, которая еще не понятна ребенку и к которой уже

---

⁴⁷⁾ М.С. Бедный. Продолжительность жизни в городах и селах. стр. 46. Цитируя, я позволил себе исправить явную опечатку. В книге последняя фраза выглядит буквально так: "Характерно то, что в этом возрастном периоде нет ни одной причины смерти, которая имела бы более низкие показатели в городах, нежели в сельской местности". Очевидно, что речь идет как раз о том, что в городах эти показатели *более низкие*, — что ясно из цифр, приведенных в предыдущей фразе самим автором, и из таблицы на стр. 43 цитируемой брошюры. Или здесь специфическая терминология мед. статистики?

привык взрослый? Увы, на этот счет нет данных, проверенных серьёзными исследованиями.

Если человеку приходится ежедневно нарушать общепринятые нравственные нормы, если проповедь, которую он слышит ежедневно, никак не согласуется да и не может согласоваться с единственно возможным способом поведения, слова или теряют свое императивное значение или рассекают психику человека, разрушают его личность. Это, кстати, относится ко всему черному рынку в принципе — все знают, что взятки, спекуляция, воровство безнравственны, но никто не может прожить без взяток, спекуляции, воровства.

И крестьянин прекрасно знает, что воровать — дурно, безнравственно, — и ворует. Крестьянин постоянно слышит, что в советском обществе первая и главная честь — труд, но его, крестьянина, труд признан *общественно нерентабельным*, — настолько, что общество как бы из милости доплачивает несостоятельному работнику, из милости содержит его. Крестьянин, наконец, слышит, видит в кино и на телеэкране, читает в газетах и журналах, что кругом-то люди живут прекрасно и счастливо, — вспомним семью Александровых, которые купили диван-кровать, — и в его душу закрадывается холодная тоска, мрачное сознание того, что он — *неудачник*.

Нравственная ценность идеологии, противопоставляющей некое "светлое будущее" сегодняшней жизни общества, сомнительна сама по себе. "Лишение живущего поколения возможности свободно распоряжаться своим имуществом и подчинение его воле давно умершего поколения или правам поколения еще не родившегося, делают для него невозможным участие в работе на благо своей страны, убивают в нем интерес к земле, которая в определенном смысле становится для

него чужой”.⁴⁸⁾ Мысль Сисмонди совершенно справедлива и в тех случаях, когда искусственно ограничивается приложение инициативы и капитала ради ”планового научного ведения хозяйства”. Утопические идеи умершего поколения, демагогия якобы в пользу поколений еще не родившихся, а в результате — равнодушие и нищета поколения нынешнего.

Крестьянин, конечно, не так прост, чтобы целиком и полностью поддаться пропагандистскому угару, — а то бы не выжил, — но и не так крепок сознанием, чтобы не чувствовать зудящего разлада между всеобщей проповедью и собственной жизнью. И хотя в общественных явлениях причина сплошь и рядом оборачивается следствием, мы, видимо, не ошибемся, если свяжем чувство социальной неполноценности с патологией сознания (нервные и психические болезни), с патологией поведения (пьянство, грубость, хулиганство, насилие).

У нас нет гласной статистики преступности, но как подсказывает опыт, в селе средних размеров — на 150-200 дворов — ежегодно совершается по крайней мере одно убийство или другое тяжкое преступление против жизни и здоровья человека. Население средней деревни легко расселится в небольшом городском доме на пару сотен квартир. Стали бы горожане спокойно жить в доме, где ежегодно убивают?

Теперь надо бы говорить о пьянстве... О пьянстве надо бы рассказывать много и подробно, и это был бы рассказ о животной тупости семейных отношений, о психически больных детях, рождающихся едва ли не в каждой сельской семье, это был бы рассказ о тяжелых увечьях и поломанной технике, о поджогах, убийствах, и снова о детях, чьи судьбы искалечены в атмосфере

---

⁴⁸⁾ Ж. Симон де Сисмонди. Новые начала политэкономии. стр.

всеобщего пьянства. Словом, это был бы рассказ о физическом и нравственном вырождении народа, а мы пока, слава Богу, говорим о том, как народ противостоит вырождению.

Да и подступись к теме пьянства, научных сведений никаких не сыщешь. Сколько-нибудь систематического изучения пьянства не ведется. Нет такой темы в планах социальных исследований: страна запланированно движется к коммунизму, вырождение происходит внепланово.

Впрочем, если нет пока еще прямого плана на вырождение, то жесткий план на выручку, на доход от пьянства — существует и действует. Государство из всего извлекает свою выгоду — даже из деградации личности алкоголика. А мы-то думаем, что хоть напившись ускользнем от социалистической реальности! Ничего подобного! Нас и здесь догонят. Деньги, которые мы отдаем за водку, не что иное, как косвенный налог с населения. Недаром в закрытом партийном распределителе водку дают по себестоимости — с партийной бюрократии налогов не взимают.

Специалисты утверждают, — не печатно, конечно, но конфиденциально. — что доход от продажи водки намного превышает нынешние экономические потери от пьянства. Власти от этого дохода легко не откажутся, даже если грядущее коммунистическое общество наполовину будет состоять из идиотов и потомственных алкоголиков. Если в каком-то сельском районе невыполняется план книжной торговли, туда дают вагон дешёвой водки..

Водка — первейший товар на государственном черном рынке.

VII

В обстановке постоянного материального дефици-

та и жестких запретов на частную инициативу, когда государство не может и не хочет удовлетворить элементарные потребности человека, все мы чужой волей выброшены на *чёрный рынок*, где все покупается: народом — втридорога мясо, одежда, строительные материалы и прочие блага; у народа — втридешева рабочая сила взрослого и ребенка, старика, женщины, а вместе с рабочей силой и вся жизнь работника целиком и полностью.

Человек и сам уже ощущает себя живым знаком чёрного рынка и на другого смотрит как на чернорыночного партнера... Эти связи, хоть и держат сверху донизу все советское общество, вовсе не исследуются ни социологией, ни социальной психологией. Они замечены лишь в художественной литературе, которая, сама по себе, — инструмент более тонкий и менее зависимый от директивного руководства, чем общественные науки.

Посмотрим глазами писателя на сельское, общество, собравшееся за одним столом, — за столом, который вполне мог быть накрыт в любой русской деревне:

”Петр Иванович худых гостей не позовет, не такой он человек, чтобы всякого вином поить. Перво-наперво будут головки: председатель сельсовета да председатель колхоза, потом будет председатель сельпо с бухгалтером, потом начальник лесопункта — этот на особицу, сын Петра Ивановича у него служит.

Потом пойдет народ помельче: пилорама, машина грузовая, Антоха-конюх, но и без них, без шаромыг, шагу не ступишь. Надо, скажем, дом перекрыть — походишь, поклоняешься Аркашке-пилорамщику. А конюха взять. Кажись, теперь, в машинное время, и человека бесполезнее его нету. А нет, шофер —

шофером, а конюх — конюхом. Придет зима да прижмет с дровами, с сеном — не Антохой, Антоном Павловичем назовешь...

Самым важным, гвоздевым гостем сегодня у Петра Ивановича был Григорий Васильевич, директор школы. Его пуше всех ласкал-потчевал хозяин. И тут голову ломать не приходилось — из-за Антонида. Антонид в школе работать будет — чтобы у нее ни камня, ни палки под ногами не валялось.

А вот зачем Петр Иванович Афоньку-ветеринара отличает, Пелагее было непонятно. Афонька теперь невелика шишка, не партийный секретарь, еще весной сняли с прописью в районной газетке, — и когда теперь вновь подыметесь?"

Да нет, не может быть, чтобы наблюдательная и мудрая Пелагея не поняла, зачем тут Афонька-ветеринар! А ну как все-таки подыметесь? Если не спился — подыметесь обязательно. Да если и спился, еще не все потеряно: влиятельные друзья найдутся — и пьяного к должности прислонят.

Партийными секретарями, хоть и бывшими, власти так легко не разбрасываются. Афонька — человек посвященный. Вчера был на партийной должности, завтра — на любой другой руководящей работе его увидим. Он — хоть и кажется, что только служит крупным хозяевам — райкомовским, обкомовским и тем, что повыше, — но и сам хозяин под стать председателю колхоза или председателю сельсовета. Хоть и мельчайший, но хозяин. Власть. Правящая структура. Он на чёрном рынке не только товары покупает — для себя и для семьи, — но и дешёвую рабочую силу — для нужд государства: с помощью таких афонец крестьянина обворовывают в колхозе и заставляют сверхурочно вкалывать на приусадебном участке.

Что же это за общественная структура такая новая, в истории невиданная — партийная бюрократия? Что мы знаем о ней?

Афонька — государство, его мельчайшая пылинка. Государство — это люди, персонифицированная идея. Или даже один человек — вождь, фюрер, монарх. Кто же у нас в стране воплощает идею социалистического государства? Партийная бюрократия, три миллиона работников партаппарата и примыкающих к нему пропагандистских и репрессивных учреждений. Они правящая структура, охранители стабильности сложившейся социально-политической и экономической системы. Но по мере того, как идея изживает себя, перестает пользоваться каким бы то ни было доверием народа, она теряет преданность и самой правящей структуры. Уже не *идею* охраняют они, но лишь собственную власть и личные привилегии. Все с большей силой правящая структура проявляет себя на черном рынке не как государственное око, но как лично заинтересованный партнер.

Кто в условиях *чёрного рынка* обладает наиболее полным комплексом преимуществ? Кому все это выгодно настолько, что все перемены, всякая инициатива к переменам — видится как страшнейшее зло? Кто, не умея, не желая разумно организовать хозяйственную жизнь общества, может заставить крестьянина или рабочего идти на черную биржу сверхурочного труда? Кто реально распоряжается наибольшей суммой общественных благ и услуг, каждая из которых рано или поздно, но обязательно становится предметом купли-продажи на чёрном рынке? Кто распределяет сами доходные должности в системе — эти *кормления* XX века, сажая на них преданных афонец и пользуясь всеми преимуществами своего положения? Кому, наконец,

мясо, обувь, книги продаются не через задние двери магазинов и с наценкой, а попросту в особом магазине и со скидкой? Кто же это? Да конечно же, не кто иной, как профессиональные политики всех мастей и рангов, партийное руководство, никем не избранное, но имеющее всю полноту власти в стране.

Все планы — экономические и политические, — все устремления нынешней государственной власти у нас в стране направлены на то, чтобы сохранить политические и материальные привилегии партийной бюрократии. Это задача номер один — все остальные задачи, включая материальное и духовное благополучие народа, общества, имеют второстепенное значение при разработке планов на будущее.

Привилегий значительно больше, чем может показаться при сопоставлении прямых денежных доходов, — их даже трудно измерить единой мерой.

Можно сопоставить мизерную цену на продукты питания в закрытом распределителе для партийных работников с базарной ценой — для рабочих, но как сопоставить затраты на все продовольствие тех и других, если рабочему часто *негде* купить мясо, молоко и другие жизненно важные продукты? Можно сопоставить мизерную квартплату, которую платит партийная верхушка, с огромными затратами крестьянина на строительство собственного жилья, но как сопоставить, какими деньгами измерить пропасть между роскошной квартирой и дачей — для чиновников — и ночлежными койками рабочих общежитий не менее как для *десяти миллионов* бездомных (впрочем, и этих-то коек не хватает всем, и ради них-то — интриги, унижения, подкуп, подлость)...

За медицинское обслуживание никто не платит наличными, но к партийному функционеру, прикреплен-

ному к спецполиклинике, на дом приедут, чтобы кровь из пальчика взять, а крестьянин и с поломаной рукой будет топать с десятков верст до ближайшей больницы или до ближайшей автобусной остановки, и ребенка больного понесет... Уже и место на кладбище дается не мертвому, но живому: чем выше должность в партийной иерархии, тем более благоустроено будет кладбище твое, и могила твоя не просядет, залитая водой в первое же весеннее половодье, как то на небрежных общих городских усыпальницах, — впрочем, городских лишь по названию, поскольку брезгливо отодвинуты они от города подальше, в район свалок и овощных складов.

В замкнутом мире тайной эксплуатации и нечистых экономических махинаций, в который каждый из нас впаян вне зависимости от личной воли и желания, партийная бюрократия занимает положение *королей чёрного рынка*, его "паханов". Сама партийная должность становится чернорыночной ценностью, и за столом у любого Петра Ивановича, где сидят уже не люди, но пилорама, машина, лошадь, — если и не парторг, мельчайшая сошка, то уж секретарь райкома сядет во главе стола.

Одно только подробное перечисление привилегий и льгот партийной бюрократии составило бы отдельную книгу. Книгу о социальной и экономической системе, где заработанные деньги перестают быть показателем общественного признания, но становятся лишь маскировкой, под прикрытием которой правящая структура *отнимает* блага без какого бы то ни было эквивалента. Написать такую работу весьма интересно, но непросто, поскольку экономические границы правящей структуры сильно размыты. Разные её слои по-разному участвуют и в присвоении, в распределении при-

бавочного продукта.

Часть прибавочного продукта идет на научно-технические разработки и исследования, которые, видимо, сами должны бы результатом своим иметь создание стоимостей, создание благ для общества. Но в социалистическом государстве правящая структура, естественно, руководит и общетехнической политикой, а значит, финансирует именно и прежде всего те научные и технологические идеи, которые обеспечивают его стабильное положение: исследования и разработки, связанные с военной промышленностью, — в области точных наук и техники; исследования, помогающие обработке и оглуплению масс, — в области общественных наук.

С партийной бюрократией тесно срослась и техноструктура, — те, кто непосредственно руководит производством, — и научная интеллигенция, и интеллигенция художественная. Все они получают свою долю от прибавочного продукта — тем большую, чем лучше работают на стабильность системы, чем выше их деятельность оценивается партийной бюрократией, которая является единственным заказчиком и покупателем работ.

Очень интересны льготы, которыми пользуются люди, занимающие низшие ступени партийно-государственной лестницы — там, где бюрократия почти смыкается с крестьянством (или крестьянство тянется к бюрократии). Эти льготы и привилегии касаются... ведения приусадебного хозяйства. "Председатель Лауцесского сельсовета (Латвийская ССР — Л.Т.) имел в колхозе приусадебный участок в размере 0,97 гектара и, кроме того, использовал 1 гектар колхозного клевера под пастбище для личного скота, у председателя Продского сельсовета в личном пользовании находи-

лось 2,11 гектара колхозной пашни”.⁴⁹⁾ Эти двое перебрали и были поставлены на место. Но в принципе использование специалистами и административными работниками колхозов, совхозов, сельсоветов производственных фондов тех хозяйств, где они работают, для нужд собственного приусадебного хозяйства — норма. “В настоящее время наибольшие хозяйства имеют руководящие работники, особенно руководители среднего и низшего звена”.⁵⁰⁾

Если не брать полюсы — скажем, крупнейших работников партаппарата, с одной стороны, и Аксинью Егорьевну с семьей Тюкиных — с другой, то можно говорить о большей или меньшей привилегированности различных слоев общества, даже различных географических районов. Причем объем привилегий зависит лишь от политических задач партийной бюрократии.

Москва, несомненно, самый привилегированный город страны. Московский рабочий трудится столько же, сколько, скажем, одессит или свердловчанин, но живет в условиях во всех отношениях более выгодных, чем остальное население. И не только из соображений престижа перед Западом, но как надежный оплот власти: недовольства и волнения в столице могли бы возбуждающе подействовать на всю страну.

Именно поэтому продовольствия в Москве продается на душу в два раза больше, чем в Одессе или в Ашхабаде (на 547 руб. в год против 286 — в Одессе и 270 — в Ашхабаде).⁵¹⁾ И поскольку доподлинно известно, что у большинства одесситов нет приусадебных

---

⁴⁹⁾ Г. В. Дьячков. Общественное и личное в колхозах. стр. 38.

⁵⁰⁾ Г. Антонова. К вопросу о перспективах существования личного подсобного хозяйства населения... М. 1975 г.

⁵¹⁾ “О пролаже и ценах на колхозном рынке”. М., 1975

участков, можно смело утверждать, что питаются они хуже, чем москвичи, имея даже в виду, что Москва кормит сотни тысяч приезжих, которые стремятся сюда за продуктами, — в том числе и одесситов, хотя от Москвы до Одессы 1526 километров по железной дороге.

Иными словами, если одесский рабочий (или херсонский, рязанский, архангельский и т.д.) производит то же количество продукта, что и его коллега в Москве, то потребляет он значительно меньше. Его политическая поддержка вызывает меньшую озабоченность у правящей структуры, и поэтому именно на его потреблении, на потреблении его семьи, его детей в первую очередь скажутся провалы хозяйственной стратегии партийной бюрократии. Именно он будет вынужден в первую очередь продавать на черном рынке свою рабочую силу: работать сверхурочно, вести подсобное хозяйство, — или воровать.

Правящая структура по собственному произволу устанавливает цену на самый главный товар экономической системы: на рабочую силу. И дороже платит той части общества, у которой ищет политической поддержки. Вот крайне важная для нас истина: чем более существенна роль той или иной общественной группы в поддержании государства партийной бюрократии, тем менее ее благосостояние зависит от провалов и успехов в экономике. Наличие товаров в закрытом распределителе не зависит от уровня их производства в целом по стране. Москва не знает пустых прилавков и в самые трудные годы, — слишком важно для стабильности власти самодовольное благополучие столичного населения.

А уж судьба самой правящей структуры и вовсе никак не зависит от экономических обстоятельств.

Экономические неудачи в той или иной отрасли хозяйства редко и совсем не обязательно сказываются на карьере нескольких чиновников, — да и они-то, как правило, лишь чуть понижаются в должности или и вовсе переводятся на аналогичную должность, но по другому адресу. Их отстранение — не что иное, как ритуал, видимость решительного действия в царстве полной хозяйственной безответственности.

Никто ни за что не отвечает всерьёз. Никто ничего и не знает сверх цифр последнего отчета, отосланного в вышестоящую организацию. Социологи запросили у партийных и хозяйственных руководителей мнение о прошлых и будущих изменениях деревни и тут же увидели, что "из 545 высказываний только 15 содержат общую оценку происшедших и ожидаемых изменений... Малое число общих оценок изменений деревни позволяет сделать вывод, что руководители скорее склонны к анализу конкретных явлений сельской жизни, чем к обсуждению общих вопросов о масштабе социально-экономических изменений деревни, их глубине и значении".⁵²⁾

Они даже сами не понимают, откуда берутся их привилегии, каким образом попадают продукты в партийный распределитель, кем оплачиваются их должностные льготы. Они не знают и не понимают общества, которым руководят: 9/10 из них считают, например, что через несколько лет приусадебное хозяйство колхозников уменьшится в объеме или вовсе отомрет.⁵³⁾ Но что же они тогда есть-то будут? Они и над этим не задумываются — знают, что пока за ними

---

⁵²⁾ Р.В. Рывкина. Мнения руководителей сельского хозяйства о происшедших и будущих изменениях деревни. В кн. Современная сибирская деревня. ч. 2. Новосибирск. 1975. стр. 92

⁵³⁾ там же, стр. 100.

власть, будут есть и досыта.

Безответственность, кажется, стала основной чертой хозяйственной политики правящего класса. Она зияет даже в таком важном документе, как Программа партии, где обещано было: "В ближайшее десятилетие (1961-1970) Советский Союз, создавая материально-техническую базу коммунизма, превзойдет по производству продукции на душу населения наиболее мощную и богатую страну капитализма — США; значительно поднимется материальное благосостояние и культурно-технический уровень трудящихся, всем будет обеспечен материальный достаток; все колхозы и совхозы превратятся в высокопроизводительные и высокодоходные хозяйства; в основном будут удовлетворены потребности советских людей в благоустроенных жилищах; исчезнет тяжелый физический труд; СССР станет страной самого короткого рабочего дня".⁵⁴⁾

С кого же теперь спросить за эти обещания? Не с кого. Никто ни за что не отвечает. В тех рядах чёрного рынка, где как товар циркулирует личность партийного чиновника, наибольшим спросом пользуется не умение увидеть глубину хозяйственной и политической перспективы, не хозяйственный талант и инициатива, но дар раболепного исполнительства. Тот, кто предлагает на продажу именно эти качества, может не опасаться банкротства и разорения, как бы ни обстояли дела на ином, главном рынке, где широко циркулируют хлеб, машины, жилище, рабочая сила. Даже бездарный хозяин, но преданный исполнитель обласкан будет начальством: ему при необходимости и *кормление* побогаче найдут. Талантливый хозяин, но нелояльный к системе и дня не продержится... Или нет, самим талантом он будет противопоставлен суще-

---

⁵⁴⁾ Программа КПСС. стр. 65.

ствующей хозяйственной системе, — и смят будет, станет жить по законам бездарности, смирится.

Советская система — диктатура бездарности, диктатура *страха*, который бездарность испытывает перед талантом. Именно страх перед открытыми рыночными отношениями, *страх проиграть* на рынке — чувство хорошо знакомое, должно быть, каждому из нас — именно этот страх питает во всем мире социалистические идеи. У нас же этот победоносный страх обрел черты государственности...

Конечно, талант с бездарностью легко не разведешь, — тут на первый-второй не рассчитаешься. И того и другого начала в каждом из нас предостаточно, — важно, какому из них легче выжить, *с каким из них легче выжить?* Принадлежность к правящей структуре определяется чуть ли не с детства: по данным социологов народного образования наиболее охотно исполняют поручения преподавателей и пионервожатых (“занимаются общественной работой”) как раз те школьники, которые не проявляют способностей к математике, филологии, биологии и другим специальным дисциплинам.⁵⁵⁾

Но ведь из комсомольских активистов вербуются послушные комсомольские функционеры, а те, в свой срок, становятся партийными чиновниками и управляют судьбой своих бывших одноклассников, которые проявили способности к математике, биологии, хозяйствованию... Талант вынужден служить бездарности и жить по ее законам. И если таланту, чтобы реализоваться, нужен экономической простор, свобода инициативы и демократия, то бездарности реализовать нечего, ее устраивает черный рынок, система

---

⁵⁵⁾ Социологические и экономические проблемы образования “Наука”. 1969

запретов на инициативу, диктатура партийных чиновников.

Как крестьянин, который кормится со своего приусадебного участка, может не заботиться — он и не заботится — об успехах колхозного производства, так и партийный чиновник, кормящийся на черном рынке должностей, может не заботиться об успехах всей экономики. У него есть свой "приусадебный участок" — должностные привилегии и льготы. Ему не нужно думать, чем торговать и что на что обменивать, его обязанность — отнять побольше в пользу государства, а уж государство о нем позаботится. Впрочем, он и сам себя не забудет.

Кажется, никакие экономические потрясения не могут поколебать стабильность системы, а значит и незыблемость привилегий и льгот партийной бюрократии в целом. Ей не грозит разорением экономическая разруха. Ей ничем не грозит разорение крестьян и рабочих.

Замкнутость, ограниченность общественных интересов партийной бюрократии той сферой, где льготы, связанные с партийной должностью, выдаются лишь в обмен на послушание и безропотность (а в конечном счете, в обмен на умение блюсти запреты и давить все живое и талантливое) и не зависят от хозяйственной деятельности — сила правящей структуры, но серьезная слабость всей системы в целом.

Феодальные замашки правящей структуры, ее экономическая развращенность и бездарность постоянно гасят те возможности, которыми уже сегодня обладает в стране крупное машинное производство и которое в условиях хотя бы относительной свободы рыночных отношений дали бы колоссальный толчок развитию производительных сил общества, значительно увеличили бы его благосостояние.

VIII

Просто удивительно, насколько легко разрешимы любые хозяйственные проблемы у нас в стране. Многим кажется, — и это мнение поддерживается официально, — что нужны годы и годы, чтобы "поднять" сельское хозяйство, нужны крупные капиталовложения, техника, кадры. Днепрогес нужно было возвести, теперь КамАЗ нужно построить, БАМ проложить... Да ничуть не похоже! Все эти сложности накручены лишь для того, чтобы скрыть правду: достаточно освободить колхозы и совхозы от жестких административных ограничений и запретов, отесняющих хозяйственный маневр, — и тогда крестьянин сам "поднимет" и сельское хозяйство страны и свою собственную жизнь, да и все днепрогесы, камазы и бамы и построятся скорее и с большей отдачей заработают...

Несколько лет назад в стране исчез репчатый лук. Совхозы и колхозы не могли покрыть дефицит. И тогда в некоторых южных областях колхозам разрешили сдавать поля в сезонную аренду приезжим из Казахстана корейцам, мастерам возделывать лук. И что же? Урожай и сборы лука возросли в несколько раз в первый же сезон. Как просто!

Испытывая нехватку рабочих рук, руководители наших среднерусских хозяйств, стали приглашать — с согласия начальства, конечно, — сезонных рабочих из города, гарантируя им твердый и достаточно высокий процент от собранного количества картофеля, овощей или фруктов. Полученные таким образом продукты сезонники продают в городе по базарной цене. Дело настолько выгодное, что привлекает даже хорошо оплачиваемые категории горожан. И что же? Там, где такая система прижилась, картофель больше не уходит под

снег, помидоры не гниют в поле, не пропадают богатейшие урожаи яблок. Чего же проще?..

Но почему только приезжих нанимают для такой работы? Почему лишь приезжим сдают в аренду землю? Неужели корейцы настолько лучше лук возделывают, чем русские крестьяне? Неужели какой-нибудь кандидат технических наук копает картошку тщательнее, чем сельский житель? Я спросил об этом одного мудрого председателя колхоза в Тульской области:

— А если мы своим колхозникам землю в аренду сдавать станем или четверть собранного картофеля отдадим за уборку, кто же из них по нарядам работать пойдет? Для кого тогда нормы и расценки существуют? Нам что же, распускать колхозы? Нет, воспитательная атмосфера в хозяйстве будет невыгодная...

Да, мы же совсем забыли! Нас воспитывают.

Социализм воспитывает нового человека — так говорилось и говорится. Подождем, когда воспитают. Но кто же из наших знакомых к идеалу нового человека ближе? Гавря Тюкин и его жена, которые, отработав день в колхозе, последние силы оставляют на приусадебном огороде? Или Афонька-ветеринар и его товарищи, которые верой и правдой готовы служить каждому новому секретарю райкома, пусть бы он заставлял их делать совершенно противоположное тому, что вчера ими делалось? Может, идеал — Аксинья Егоровна, всю свою жизнь безропотно кормившая чиновников, которые продуманно мешали ей нормально жить и работать, — ее фото только после смерти с Доски Почета сняли? Или сам Леонид Ильич Брежнев — идеал исполнительного чиновника, чье житие подается нам в сусальной обложке?

Уж мы-то точно дальше от социалистического идеала, чем партийные функционеры. В нашей предан-

ности социалистическим идеям начальство не уверено: на каждом столбе, на каждой стене висит напоминание: работай лучше... выполни план в четыре года... нынешний год работай за двоих... В цеху, в автобусе, в доме отдыха — всюду. Даже в доме призрения одиноких стариков, где каждое утро двоих-троих в морг несут, и тут прочтете при входе: "Поможем Родине ударным трудом..." Даже в психиатрической больнице.

Но нету лозунгов ни в строгих коридорах обкомов партии, ни в здании ЦК, ни в санаториях, где отрешаются от повседневности высшие партийные чиновники. К воротам их загородных дач не прибьют табличку "Дом образцового быта", какие лепят к стенам нищих деревенских изб. Друг другу они никакими глупостями досаждают не будут. Тут *новые* люди не воспитываются; кто сюда назначается, того и считают *новым*.

Но не надо думать, что они спокойно почивают за высокими заборами своих загородных дач, что размеренно гуляют, обстоятельно питаются удивительнейшей едой из распределителя и в ус себе не дуют, — *НЕТ!* Как они вертятся! Как они работают! Сколько совещаний, предложений, постановлений! А ради чего? Да чтобы с земли, напрямую им подвластной, — с этих 98/100 пахотного клина — получить хотя бы 2/3 произведенного сельскохозяйственного продукта, — уж хоть бы не меньше!

Они крутятся, не спят ночей, ездят по плохим дорогам, стучат кулаками и ногами, кричат, приходят в отчаяние, заставляя людей трудиться *сознательно* (то есть бесплатно) на этих 98/100 земли. И пока они развивают бешеную деятельность, подкрепляя ее лозунгами, знаменами и газетными статьями, прославляющими социалистический труд, на остальных 2/100 земли, на крошечных участках люди тихо и спокойно

работают и кормят *половину* всего населения страны... Но почему же так? Разве трудно представить себе, какого богатства достигнет страна, если снять сдвливающие запреты на хозяйственную инициативу?

Да нет, конечно же не духовный облик народа тревожит распорядителей хозяйственной политики, когда речь заходит об экономической самостоятельности крестьянина. Тут интерес более близкий: быть или не быть государству партийной бюрократии? Самостоятельность хозяйственная грозит стать самостоятельностью политической.

В конце шестидесятых годов, в либеральные времена разговоров об экономической реформе один хозяйственный безумец, чье имя стоит запомнить, Иван Никифорович Худенко, уговорил какие-то советские инстанции пойти на "эксперимент": вместо многочисленных банковских счетов, по которым не только финансируется, но и до каждого чиха контролируется и регламентируется деятельность совхоза, открыли ему один единственный счет и предоставили самому решать, сколько на что потратить следует. И что же? Себестоимость зерна в этом совхозе оказалась в четыре раза ниже, чем всюду, прибыль на одного работника — в семь раз, а заработки — в четыре раза выше, чем в других совхозах. Производительность сельскохозяйственного труда выросла в три раза... Казалось бы, при наших постоянных хозяйственных трудностях Худенко должен бы стать национальным героем. Но нет. "Нам нужна не всякая производительность народного труда". Худенко умер вскоре, присужденный к трем годам заключения, в лагерях строгого режима.

Судьба его эксперимента поможет нам понять саму суть экономической политики государства. Обратимся к свидетельству участника этой истории, опубликован-

ному десять лет тому назад:

“Я и трое моих товарищей, все инженеры-проектировщики с высшим образованием, встретились с организатором и руководителем эксперимента И.Н. Худенко и предложили свои услуги. Скажу, что нам сначала показалось трудно. Выяснилось, что мы совершенно не приучены и не умеем самостоятельно принимать решения, хотя трое из нас работали в должности главных конструкторов и архитекторов проекта. Какие дома строить, из каких материалов? Как строить, какие механизмы приобретать в первую очередь? Все это мы стали решать сами. А через некоторое время вошли во вкус, почувствовали себя творцами общего дела, настоящими хозяевами.

Я не знаю, сколько существует... соседний овцесовхоз, но водопровода у него нет и по сей день. А проектируют его уже лет пять-шесть, и денег на подрядчиков овцесовхоз потратил уйму. Наше звено строителей проработало в этом поселке меньше года, а вода уже весело зажурчала в кранах наших первых квартир и на все объекты подается. Мы сами построили в несколько месяцев скважину и водонапорную башню — без проекта и без сметы. Смета нам вовсе ни к чему — ведь ни норм, ни тарифов, ни расценок на виды работ у нас нет и агитировать тут никого не надо: чем меньше будут затраты, тем выше заработок каждого...

Получили мы одновременно с хозяйством обычного типа — Бурундайским откормсовхозом — импортные агрегаты для производства травяной муки. Бурундайцы их еще не пустили, а у нас они уже с середины прошлого года нормально работают и дают отличную продукцию. Дело опять-таки в том, что мы не открывали специального финансирования, не искали подрядчика. Сразу взялись за дело и в срок, за который

вряд ли можно было успеть оформить все бумаги, смонтировали агрегаты, наладили и освоили производство. Сделали все быстро, но... с нарушением установленной процедуры. Проектировали механическую часть проектанты, хотя и с разрешения своего руководства, но не по плану — внеурочно. Налаживали автоматику самые квалифицированные специалисты также сверхурочно, привозили мы их к себе в хозяйство на субботу и воскресенье. И платили наличными, по договоренности, без норм и расценок, а так, как считали выгодным для дела. Не скрою, переплачивали, видимо, наладчикам в сравнении с существующими тарифами, но зато завод работает...

Когда мы спрашивали Худенко, можно ли сделать то-то и то-то, хотя это по действующему порядку не положено, он неизменно отвечал: "Делайте так, как это наиболее целесообразно и выгодно с соблюдением государственных и своих интересов. Ошибки могут быть, но за них не убьют..."⁵⁶⁾

Убили.

И с точки зрения защитников системы было за что убивать: Худенко *взорвал* чёрный рынок, он пустил в него свет и воздух открытых рыночных отношений.

Смета, нормы, расценки — весь этот финансовый механизм, без которого преступно обошелся Худенко, так устроен, что позволяет *бесплатно* отнять у работника значительную часть произведенного им продукта, выталкивая его самого на *чёрный рынок*. При помощи этого механизма правящий класс отнимает у крестьянина необходимый продукт, заставляя добирать в приусадебном хозяйстве. Механизм этот строго охраняется системой запретов и ограничений, наложенных на хозяйственный манёвр.

---

⁵⁶⁾ Литературная газета, 18 ноября 1970 г.

Худенко же, связав работника прямым материальным интересом с конечным результатом труда, не оставил в хозяйственной практике места для партийной бюрократии — *запрещать* стало нечего и *отнимать* стало негде.

Совхоз как бы заслонился от внешних административных властей. Хлеб — пожалуйста. Травяная мука — пожалуйста. А с вашим фискальным досмотром, с вашей полицейской опекой — пойдите прочь! "Кушать — кушайте, а к хозяйке на кухню свой нос не суйте!" — говаривал Худенко.

Административные власти могли только одним способом влиять на положение дел в таком хозяйстве, буде "эксперимент" доведен до конца: снижать или повышать цену на технику, материалы, удобрения... **ТОРГОВАТЬ.**

Худенко предлагал партийной бюрократии стать торговым партнером. А стать торговым партнером — значит довольствоваться лишь частью прибавочного продукта, оставляя крестьянину тот необходимый продукт, который сейчас через завышение нормы и занижение расценки попадает в руки партийной бюрократии без всяких торговых церемоний.

Стать торговым партнером — значит выпустить из рук абсолютную привилегию власти. Стать торговым партнером и таковым же сделать крестьянина — значит дать ему свободно дышать, дать ему почувствовать себя человеком, дать ему дорасти до гражданского самосознания — а вдруг и отличного от того образа мыслей, который насаждается партийной бюрократией?

Стать торговым партнером — значит везде и на всех уровнях общественной жизни соревноваться в том, чтобы как можно полнее удовлетворить материальные

и духовные потребности народа, *конкурировать*... Но с кем конкурировать?

Стать торговым партнером — значит допустить риск возникновения конкурента, допустить риск проиграть в конкуренции; а учитывая многолетний отбор бездарности в правящую структуру, проигрыш почти неизбежен.

Да кто же согласится на такую судьбу? Худенко был наивным мечтателем, жертвенным героем, которому наши потомки, несомненно, воздадут должное.

Но разве нет у нас колхозов и совхозов, где все банковские счета на месте, а производительность труда лишь немногим меньше, чем у Худенко была? Разве нет у нас отлаженных, производительных хозяйств, добившихся экономического успеха в *границах* существующих административно-хозяйственных порядков? Есть. Но правильно ли мы понимаем, где эти границы проходят?

Приглядимся, — и за гласной хозяйственной жизнью, за жизнью *подставленной* нашему взгляду — с подъемом флага в честь лучшего механизатора, с вручением отрезов дояркам на 8 марта, с трехстворчатым шкафом знакомой нам семьи Александровых — не станет ли нам различима иная хозяйственная реальность — тайная, негласная чёрнорыночная.

Что поможет нам добыть строительные материалы сверх мизерного лимита? Все знают: подкуп и спекуляция... Что помогает приобрести запасные части, без которых машинный парк с места не сдвинется? Подкуп и спекуляция. Что поможет приобрести бензин и солярку? Сдать мясо на мясокомбинат? Найти железнодорожные вагоны, лес, солому, нужные породы скота, подрядчика на строительство? Подкуп, спекуляция, коррупция.

О существовании этой сферы хозяйствования все хорошо знают — всех и каждого она хоть и краем, но обязательно касается. Иной раз и пошире откроется в застольных откровениях пьяного председателя или его доверенных лиц. Но охватить ее общие границы — кому сегодня удастся? Кому удастся различить, как сквозь сияющий образ передового колхоза, созданный фотоочерком в "Огоньке", проступает черный задник экономической нелегалщины, тайных хозяйственных махинаций, скрытого обмана?

Впрочем, от кого скрытого? Разве что от нас, читателей центральной и местной печати, которым эти колхозы подаются как высшие достижения *социалистического* хозяйствования. Но не от райкома партии, — отсюда все границы видны.

Партийные органы хорошо осведомлены о черномыночных операциях — если не по частностям, то в принципе. Где надо, они разрешат обойти запрет, где надо — отвернутся, но как только уровень хозяйственной самостоятельности минует "худенковскую черту" — так и лапу наложат. Они не боятся чёрного рынка. Это не страшно, что кто-то с их ведома обходит запреты — лишь бы не стремился их вовсе отменить! Лишь бы не *открытый рынок*, лишь бы не административно-хозяйственная самостоятельность.

В условиях открытого рынка партийной бюрократии нечем будет оплачивать свою государственную политику, неоткуда будет изъять те огромные средства, которые практически в любых количествах можно получить через систему тарифов, норм, расценок, культивируя *чёрный рынок* как сферу подконтрольной инициативы.

Чем же чёрный рынок отличается от рынка открытого? В конечном счете тем, что через механизм

чёрного рынка финансируется *политика* партийной бюрократии, тогда как механизм открытого рынка в первую очередь подталкивает развитие экономики.

Чёрный рынок — механизм поддержания стабильности политической системы, ее независимости от экономических законов.

Открытый рынок — механизм поддержания стабильности экономической системы, ее независимости от законов политической жизни.

Или рынок или социализм. Или стабильность экономическая или независимая от благосостояния общества стабильная политическая система. А поэтому все разговоры о рыночном социализме — праздное занятие. Наиболее умные представители государства понимают это. Вот почему партийная бюрократия никогда не разрешит широкую аренду земли, вроде той, что открыта корейцам. Вот почему обречен был "эксперимент" Худенко. Вот почему много разговоров, но мало дела вокруг *безнарядной* оплаты труда в сельском хозяйстве и бригадного подряда в строительстве, которые имеют реальный смысл лишь в том случае, если достигнут уровня хозяйственной самостоятельности худенковского совхоза.

Наиболее умные представители государства прекрасно знают, что социалистическая система не тянет, проигрывает в мировом экономическом соревновании с открытым рынком. Это было ясно уже более пятидесяти лет назад — в расцвет НЭПа. Именно этот четко наметившийся проигрыш заставил Сталина понять и изречь то, что еще непонятно было Ленину: "Нам нужна не всякая производительность труда..."

Но нет, обыденное наше сознание никак не может взять в толк — почему *всякую-то* использовать нельзя? Почему же увеличение производства продукции в три,

пять, десять раз не радуется власть имущих? Нам кажется, все можно объяснить, все понять... Ну, хорошо, — сидят они над нами, и пусть сидят. Никто на их власть не посягает. Пусть только дышать дадут, узду ослабят... Ведь сами же смогут от большого продукта большую часть иметь... Ведь не все же там наверху афони, вроде абрамовского героя, есть же умные, знающие люди, — что же они-то не поймут никак?... Что же никак не найдут разумную грань между полным отрицанием открытого рынка, написанным на знамени социализма, и его использованием для социализма?

Наше обыденное сознание никак не хочет признать, что в тупик залетели, и все ищет, все ищет, — и не желая принять истинную причину, ссылается на ложные: мол, во всем воровство виновато — воров бы к стенке!.. да нет, во всем виновато засилие нацменов... ищите причину в бюрократизации, в волоките... вредительство... твёрдолобая старость... В этих суждениях — надежда найти спасительную частность. Пусть, пусть остаются они наверху, пусть только узду ослабят... Думать о переменах страшно. Перемены — с кровью!

До каких же пор в условиях социалистического государства можно освободить рыночные отношения? А насколько можно, настолько они и освобождены — в рамках чёрного рынка. Здесь вполне можно положиться на инстинкт самосохранения партийной бюрократии, вполне можно доверять ее абсолютному нюху на крамолу — экономическую и политическую.

Случай с Худенко и показывает, до каких пор можно снять запреты — "худенковская черта" есть крайняя граница экономической свободы в нынешних условиях. Дальше вроде бы никто не заходил, да и на этой черте мало кто побывал. По крайней мере, нам

такое неизвестно...

"Эксперимент" Худенко, продолжавшийся всего только два года, принес государству более миллиона рублей прибыли, но сам организатор дела был осужден за то, что не сумел отчитаться документально за семь тысяч рублей, потраченных на нужды управления хозяйством. Смехотворные обвинения! И это несмотря на то, что "соотношение обслуживающего управленческого аппарата к рабочим в экспериментальном хозяйстве составляет 1:40, а в соседнем хозяйстве 1:3,6".⁵⁷⁾

В десять раз экономнее! Да разве действительная экономия интересует нашу правящую структуру? Это была та наглядная экономия, которая грозила пошатнуть существующий государственный порядок. Обещая миллионы прибыли, Худенко ставил под сомнение систему власти.

Те, кто в порыве реформенного вдохновения разрешил "эксперимент", в последний момент предали его. Все эти "умные", широкомыслящие, "знающие" партийные работники, которых мы в своем сознании должны противопоставлять пьяному Афоне, отвернулись от него. Мы хорошо знаем, что без санкции партийных органов ни один волос не упадет с головы крупного хозяйственника. Здесь — санкционировали. Называют и фамилию человека, который вначале подержал, а потом предал Худенко: член политбюро Кунаев... Нужен был юридический прецедент, чтобы другим неповадно было, — и его создали!..

Слово "эксперимент" я всюду писал в кавычках, потому что какой же это эксперимент? Это как раз естественные хозяйственные отношения, проверенные

---

⁵⁷⁾ Лит. газета. Там же.

веками. Все остальное — и есть исторический эксперимент, продолжающийся уже более шестидесяти лет.

IX

Думалось кому-то прежде: социализм — царство светлой справедливости. От каждого по способностям, каждому по труду. Вгляделись, а перед нами грандиозный чёрный рынок: ты — мне, я — тебе. И способности негде реализовать, и труд остается неоплаченным, и жизнь уходит на суету: где бы чего достать съестного — хоть за тысячу верст, — да наготу не мешком прикрыть. Видим: социалистическую страну не накормить без сорока миллионов частных хозяйств. Знаем: заводы встанут без сырья и материалов, если не помогут ловкие толкачи-снабженцы, специалисты подкупа и спекуляции. Да что там — толкачи: в партийный-то аппарат работать не зазовешь, не подкупая доступом в партийный распределитель, внеочередной квартирой и другими привилегиями и льготами.

О таком ли социализме мечталось? Теперь и партийные теоретики проклинают того простодушного дурачка, который ляпнул, не подумав: "Уже нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме". Ладно, коммунизм-то объявить можно. Но жрать-то что при коммунизме будем?

Общеизвестно, что планы по темпам роста сельскохозяйственного производства за прошлую пятилетку выполнены едва на 60%. А дальше — лучше ли? За 1976 год поголовье свиней в стране уменьшилось. В том же году колхозы и совхозы произвели мяса на полтора миллиона тонн меньше, чем в 1975 году. В начале 1977 года в московских магазинах появилась

новозеландская баранина, и слава Богу, время от времени появляется вновь и вновь... Публикуя в начале 1979 года ежегодное сообщение об итогах выполнения хозяйственных планов за предыдущий год, ЦСУ вообще опустило какие бы то ни было данные о производстве мяса, молока, птицы... Плохой знак.

На десятую пятилетку запланирован рост производства мяса на 10 - 11%, но даже если запланированный уровень чудесным образом будет достигнут, не вырастут ли более быстрыми темпами потребности населения?

Партийные чиновники пытаются компенсировать органические пороки хозяйственной системы хорошо известными им методами административного давления. Десятки тысяч совещаний проходят ежедневно на разном уровне. Но достаточно послушать, что говорится на одном из них — методы одни повсюду. По воле случая — от одного из очевидцев — мы знаем дословно, что говорилось на весьма высоком уровне: выступая в феврале 1977 года на совещании секретарей обкомов партии, посвященном проблемам сельского хозяйства, член политбюро — ныне умерший — Ф. Кулаков высказывался в том смысле, что "три шкуры будет драть с тех, кто недостаточно инициативно подойдет к решению вопроса". Столь своеобразное понимание инициативы было высказано в связи со снижением интереса некоторых хозяйств к посевам гречихи, которое произошло из-за того, что закупочные цены и приблизительно не оправдывали затрат на эту капризную и трудоемкую культуру.

Несколько недель спустя тот же представительный политик уже на другом совещании заявил буквально следующее: "Мы вопрос ставим так: "Ты не секретарь райкома, если нет овощей в магазинах твоего района..."

Понятно, что по мере приближения идеи от члена политбюро к непосредственному производителю продукта, распорядительный тон будет становиться более резким. Таков административно-феодалный стиль хозяйственной политики во всей его красе.

Но беда в том, что на самом последнем звене бюрократической цепи — разрыв! Крестьянина так не заставишь работать больше, чем он работает, поэтому мы должны серьезно усомниться, что в магазинах страны появится намного больше, чем сегодня, овощей и гречневой крупы. Впрочем, может статься, что появится гречка, но исчезнет, скажем, пшено или еще какой-нибудь продукт, производство которого в какой-то период времени было упущено из личного внимания покойного Федора Давыдовича Кулакова или его преемников...

Иван Никифорович Худенко мечтал в двадцать раз поднять производительность труда в сельском хозяйстве и знал как это сделать. Знал, как организовать дело, чтобы пять миллионов сельских жителей, которых он предполагал оставить в деревне, — да нет, которые сами остались бы с радостью — кормили бы до сыта всю страну... Все знают, что продовольственная проблема была бы легко решена... но воспитательная атмосфера будет неблагоприятной.

Да какая там воспитательная атмосфера! Кто же верит этим воспитательным лозунгам и наглядной агитации? Совсем не в воспитании дело: дело в том, что черный рынок грозит перерасти в рынок открытый, где правящая структура уже не сможет с такой легкостью распоряжаться произведенным продуктом.

Нет, "нам нужен не всякой рост производительности народного труда. Нам нужен определенный рост

производительности народного труда...” Да и вообще, не столько производительность народного труда нам нужна, сколько власть распоряжаться произведенным продуктом. И не потребности народа будут определять хозяйственную политику государства. Нет, наоборот, — политика правящего класса будет влиять на потребности людей, давить их и ужимать.

Уже сегодня потребности населения в мясе удовлетворяются лишь наполовину, и распределение мяса в крупных промышленных центрах (таких, например, как Ростов-на-Дону, Одесса и многих других) происходит строго лимитированно по месту работы главы семьи, то есть являет нам, по сути, замаскированную карточную систему.

Сейчас в стране производится в год на душу городского населения сельскохозяйственной продукции на 390 рублей, а покупается продуктов питания на душу населения в Москве — на 547 рублей, в Киеве — на 415 рублей... а в Одессе — на 286 рублей, в Рязани, Тамбове, Перьми — и того меньше. Одесса все-таки центр той южной степной России, которая должна была, по мнению Сисмонди, — и вполне могла бы, по опыту Худенко, переполнить рынки Европы дешевым хлебом.⁵⁸⁾

Но если у крестьянина есть приусадебное хозяйство, где он может добрать необходимый продукт, то как быть промышленному рабочему? А все так же. Все с

---

⁵⁸⁾ Приведенные материалы опубликованы в специальном издании “О продаже и ценах на колхозных рынках”, М., 1975. Я уже цитировал эту брошюру-справку, но именно здесь уместно сказать, где ее найти: в спецхране “Центральной научной сельскохозяйственной библиотеки”. ДСП № 3762.

большей настойчивостью и промышленный рабочий выталкивается на чёрный рынок, понуждается продавать здесь свою рабочую силу, чтобы нормально жить, нормально питаться...

Здесь нужно пожалеть читателя. Это должно быть очень утомительно, когда разговор все о питании, все о пище земной, а не о духовной, все о жратве да о жратве, — все взвешивать да сравнивать, кто сколько съедает, кто сколько потребляет, — кто больше, кто меньше. Не голод же, не катастрофа, не война, — сыты ведь, с голоду никто не пухнет и детей рахитичных не так уж много. Сколько же можно на чужой кусок зариться, в чужой рот глядеть, чужое чревоугодие исследовать? Тут всякий читатель скажет: да хватит уж об этом! — и тот, кто от пуза живет, и тот, кто в ниточку тянется. Оба и скажут: не хлебом единым жив человек... Один заявит, указывая барственно, другой — стесняясь, оберегая свое человеческое достоинство, нищеты — *нищета унижительна*, собственную нищету лучше не замечать, очень уж горько. "Давайте о другом!" — скажут оба.

А это и есть — о другом. Это разговор об унижении, о развращении рабочего человека, который уже сегодня *мог бы* сделать свою страну изобильной. И не наша вина, что разговор об экономике страны все никак не минует тему элементарного потребления. Тем и живем сегодня, таковы и заботы наши: о куске хлеба заботимся в суете и беспокойстве.

Восемь часов в день должен трудиться рабочий в наше время, чтобы создать все необходимые обществу блага. Шесть или даже пять часов на особо трудных работах. Сорок часов в неделю. Но мы знаем: в стране нет предприятий, где бы рабочие не оставались сверхурочно после двадцатого числа каждого месяца и

ежедневно в последние месяцы года. Мы знаем: огромное число рабочих вынуждены искать *левого* заработка, *халтуры* вне завода или стройки.

Во внеурочное время строительный рабочий предлагает населению услуги по ремонту квартир. Во внеурочное время шофер самосвала предлагает населению рейс с грузом песка или гравия. Во внеурочное время его товарищ по цеху разводит в квартире кроликов и выходит с ними на базар, занимая место рядом с крестьянином.

При этом сплошь да рядом продаются не только товар или услуги, но и ворованные по месту основной работы материалы, инструмент, на время украденные механизмы (грузовая машина, украденная на один-два рейса). Да и время-то не всегда неурочное. Сплошь и рядом рабочий научился обманывать начальство, и в цеху, в официальное рабочее время исполняет *левые* заказы.

А как же иначе? Если реальный — на руки — заработок промышленного рабочего 150-180 рублей, а мясо на базаре стоит по 5 рублей за килограмм, картофель — по 40-50 копеек, соленая капуста — и та подорожала со времени, когда к ней приценялась Аксинья Егорьевна, и теперь стоит рубль за килограмм и в будни, — как же иначе? Купить в магазине? Но там не дешевле, поскольку с прилавка в магазине — нигде, кроме Москвы, — мясо не купишь — дефицит — а если продавцу *на лапу* давать, обойдется как раз по рыночному. Картофель, может, и свободно есть в магазине, но две трети выбросишь при чистке. Может быть, поэтому "в снабжении населения картофелем в Баку, Краснодаре, Армавире, Мичуринске, Запорожье доля колхозного рынка занимала 41-

48%, в Днепропетровске, Балашове, Одессе — 66-77%...”⁵⁹⁾

Хорошо, если у горожанина есть родственники в деревне: ”Родным (живущим в городах. — Л.Т.) помогают 21% семей без личных хозяйств и 70% семей с наиболее крупными хозяйствами... Участие личных подсобных хозяйств сельских жителей в снабжении городского населения продуктами питания (имеется в виду родственная взаимопомощь. — Л.Т.) пока вообще не учитывается, хотя грубые подсчеты показывают, что объем продукции, перемещающейся по данному каналу, сопоставим с оборотом колхозного рынка”.⁶⁰⁾ А если нет близких в деревне? Если новоиспеченные горожане поторопились выписать в город и стариков, надеясь на лишние метры жилплощади, — как теперь они обойдутся? С базара не проживешь.

Нет, промышленный рабочий или строитель за восемь часов ежедневного труда, оплаченного по существующим нормам и расценкам, не может заработать достаточно, чтобы кормить семью и существовать самому. Чтобы купить мясо через заднюю дверь магазина. Или сапоги у спекулянта. Чтобы дать взятку там, где это требуется для обретения элементарных благ. Не может. И тогда *он вынужден* оставаться в цеху сверхурочно. Или, выйдя из цеха, искать дополнительный заработок на стороне. Или воровать. Или тратить время на производство овощей у себя в

---

⁵⁹⁾ ”О продаже и ценах...”

⁶⁰⁾ Т.П. Антонова. К вопросу о влиянии размеров личных подсобных хозяйств на занятость сельского населения, досуг и материальное потребление. В кн. Современная сибирская деревня. ч. I., стр. 140 ... И это все с тех же полутора-двух процентов пахотной земли!!!

огороде... Без этой деятельности вне "планового" рабочего времени, без этой торговли собственным трудом на негласной *чёрной бирже* ему не прожить. Да и профессиональным политикам не сохранить стабильность системы, не прикупая труд рабочего вне "плановой" системы — то есть на *чёрном рынке экономики*. (Понятие "плановый" не надо бы вообще противопоставлять чёрному рынку. Все эти чернорыночные отношения тоже *запланированы*. Только, понятно, кто же предаёт гласности такие *планы*?)

Сколько же надо платить рабочему, чтобы он мог заработать за восемь часов труда нормальное существование себе и своей семье? Увы, у нас в стране нет сколько-нибудь реального понятия *о стоимости рабочей силы*. Экономисты, которые пытались ввести это понятие и проанализировать его, проанализировать движение рабочей силы как товара, неоднократно биты защитниками официальных научных канонов и стали едва ли не самыми распространенными *отрицательными* персонажами производственных романов и повестей.

Вот только что опубликованное подцензурное свидетельство: "...Нет ни одной монографической работы, в которой хотя бы предпринималась попытка проанализировать рабочую силу как экономическую категорию в целом и при социализме, вскрыть как материально-вещественное, так и социальное ее содержание.

Не решены еще и многие частные вопросы, в своей совокупности составляющие проблему рабочей силы. Многие из них пока что едва намечены, а некоторые даже не поставлены. Среди последних — вопрос об особенностях рабочей силы в эпоху развитого социалистического общества.

В научной и учебной экономической литературе на этот вопрос имеется один единственный ответ — она перестала быть товаром. Положение, конечно, бесспорное...”⁶¹⁾ Признав это положение бесспорным и сам обличитель советской экономической науки ни на шаг вперед не продвинулся.

Рабочая сила — товар. И это хорошо знают те, кто стремится взять ее подешевле. Здесь мы можем привести пример, который косвенно покажет нам отношение советского руководства к стоимости рабочей силы. Речь идет о послевоенном восстановлении завода “Запорожсталь”, с которым связана биография Л. Брежнева: “Многим тогда казалось, что проще и дешевле было бы подорвать уцелевшие конструкции, разобрать их полностью, а затем уже строить завод заново. Так и рекомендовали поступить специалисты из ЮНРРА — международной организации, занимающейся помощью странам, которые пострадали от фашистского нашествия. Побывав в Запорожье, они в один голос заявили, что восстановить разрушенное вообще невозможно, а если кто и решится на подобный эксперимент, то потратит на это больше средств, чем на строительство нового завода. Однако страна остро нуждалась в тонком холоднокатаном листе, производство которого должна была обеспечить первая очередь “Запорожстали”, и советские люди опрокинули все прогнозы и предсказания иностранных специалистов”.⁶²⁾

Позвольте, да какие же прогнозы опрокинулись?! Попросту вопрос *дороже* или *дешевле* снимается.

---

⁶¹⁾ Б.Л. Цыпин. Рабочая сила и ее особенности в период развития социалистического общества. М., 1978, стр. 5.

⁶²⁾ Леонид Ильич Брежнев. Краткий биографический очерк. М., 1976, стр. 47.

Нужно! Потратили больше средств, чем на строительство нового завода? Да каких средств-то? Рабочая сила почти бесплатная ведь.

Иностранцы специалисты вообще очень часто попадали впросак, оценивая те или иные экономические возможности нашей страны. Они исходили из факта определенной стоимости рабочей силы. Между тем стоимость рабочей силы в стране на практике оценивается весьма приблизительно и субъективно в зависимости от того, как правящий класс понимает общественную необходимость. Общественно-необходимая норма удовлетворения индивидуальных потребностей в некоторых случаях может понижаться до бесконечности, до лагерной пайки. Оставим при этом в стороне тот аргумент, что, мол, "страна остро нуждалась". После войны все страны остро нуждались, и восстановление хозяйства, скажем, в Западной Германии шло не менее высокими темпами, хотя там рабочая сила — товар отнюдь не самый дешевый. А может быть, как раз поэтому?

Не только в годы послевоенной разрухи, но и до сих пор, будучи полновластными распорядителями *чёрного* рынка, хозяйственные руководители страны вынуждают рабочего продавать свой труд за бесценок, вынуждают его работать значительно больше восьми часов. Причем, приобретая сверхурочный труд рабочего, высокопоставленные покупатели так являют дело, что нам кажется, будто бы это сам рабочий плохо работал положенные восемь часов и теперь должен наверстывать упущенное, поскольку "страна нуждается". Достигается это при помощи все тех же норм и расценок: за все труды ему платят столько, сколько должны бы заплатить за восьмичасовой рабочий день. Не останешься сверхурочно — не проживешь. А все

попутные лозунги о нуждах страны — это, чтобы суть прикрыть. Если бы действительно нужды страны в расчет брались, все хозяйство иначе организовано было бы.

Нет, производительность неоплаченного труда расти не хочет. Щедрость и многотерпение рабочего не бесконечны. И если рабочую силу регулярно использовать, не возмещая ее общественной стоимости, человек начинает работать значительно ниже своих возможностей. Именно это и происходит у нас в стране, причем так явно, что даже партийные чиновники заметили этот процесс: "Довольно много руководителей указали на то, что за последние 10 - 15 лет изменилось отношение работников к труду. Если критические высказывания о технико-экономических аспектах производства единичны, то об отношении работников к труду доля критических высказываний значительно выше".⁶³⁾ Эта обратная связь — пожалуй самая важная черта сегодняшней экономической реальности...

Похоже, что рабочий и крестьянин живут сегодня почти одинаково. Но если жизнь крестьянина мы смогли хоть как-то проанализировать, используя данные и цифры открытой советской печати, то никакой серьезный анализ положения рабочих нам недоступен. Один остроумный француз заметил: "Рабочий мир настолько утратил свою индивидуальность, что из всех слоев советского населения о нем мы знаем меньше всего. Нам известны подробности жизни в лагерях, но жизнь на заводах остается почти полной тайной". И это резон сказать не только французскому советологу, но и нам, жителям городских кварталов, вплотную примыкающих к заводским корпусам.

---

⁶³⁾ Р.В. Рывкина. Мнения руководителей сельского хозяйства... стр. 95.

Нигде не найдете вы статистики сверхурочных работ в промышленности и строительстве. Сами эти сверхурочные работы тщательно скрываются. Еще бы! Ведь партийная бюрократия хоть как-то, хоть косвенно может признаться, что крестьянство принесено в жертву интересам пролетарского государства, но кому в жертву отдан сам рабочий, от имени которого правящая структура руководит страной?

Да нет, не в том беда, что социализм выглядит не так, как мечталось: может ли он вообще выглядеть иначе? Беда в том, что перед нами безрадостная хозяйственная перспектива. Посвящая многочасовые говорения на Пленумах ЦК партии тому, в конечном счете, как повысить производительность плохо оплаченного труда, Брежнев никогда не забывает сказать о необходимости для крестьян, а в последнее время и для рабочих, вести приусадебное хозяйство. Но нет, личные хозяйства рабочих и колхозников с их техникой, переделанной из миксеров и пылесосов, с их ворованными строительными материалами не поднимут сельского хозяйства страны. Делая ставку на дальнейшую интенсификацию приусадебных хозяйств, правящая структура вновь устраняется от необходимости радикальных перемен в экономике. Страна нуждается не в "Товариществе огородников и садоводов", а в развитой аграрной индустрии, где сполна оплачивался бы весь общественно необходимый труд... Впрочем, здесь разговор о нуждах страны заставит нас повторять то, что сказано выше.

*   *
*

Простимся с Аксиной Егорьевной.

Ее портрет сняли с Доски Почета. Она свое отработала.

В апреле я, сколько мог, следил за ее домом, старался отвести весенние ручьи, чтобы не залило подвал, даже и в сам подвал слазил, посмотрел, не сочтется ли где, а как сошел снег и прошла большая всда, поставил рухнувший было плетень, ограждавший ее огород со стороны улицы, — думал все, что кто-то из ее дочерей приедет либо дом продавать, либо еще напоследок огород засадить.

Но не знаю, как это бывает, а без хозяина дом и вправду сирота. То ли я плетень плохо поставил, то ли еще где были дыры, но на участке стали появляться ежедневно чьи-то голодные овцы, бродячие свиньи и целый выводок шумливых гусей. Никто из родственников не ехал, и я уже с печалью предвидел, как на будущий год участок зарастет сорняками, амбар покосится и через огород мальчишки протопчут дорожки по всем направлениям... Но все оказалось иначе.

В середине апреля ко мне пришел колхозный скотник, — он хоть и жил через улицу, но мы были мало знакомы. Я знал только, что у него восемь детей — и всех этих мальчиков и девочек я всегда отличал от других деревенских ребятишек, но не мог отличить друг от друга, такие они все были рыжие и веснушчатые — в отца.

— Вы на участок претендуете? — спросил он.

— На какой?

— На Оксин.

— Нет, не претендуем.

— Тогда я его займу, что ли, — как бы безразлично заметил он. Но уходя не выдержал безразличного

тона. — Земля тут больно хороша. Раньше конный двор был — на два метра унавожена. Оксе повезло в жизни... Тут картошка пойдет, — и он вышел радостный, что ему досталась такая земля, что ему тоже повезло в жизни.

Москва

ОГЛАВЛЕНИЕ

Г. Андреев — Раскрытие секрета /вместо предисловия/	3
Глава I	5
Глава II	19
Глава III	33
Глава IV	46
Глава V	60
Глава VI	79
Глава VII	88
Глава VIII	101
Глава IX	113

КНИГИ

ТОВАРИЩЕСТВА ЗАРУБЕЖНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ:

<i>Г. Андреев</i>	— Трудные дороги
<i>Л. Ржевский</i>	— Двое на камне
<i>Виктор Свен</i>	— Бунт на корабле
<i>Борис Зайцев</i>	— Тихие зори
<i>Федор Степун</i>	— Встречи (два издания)
<i>Анна Ахматова</i>	— Реквием (три издания)
<i>А. Позов</i>	— Логос-медитация древней церкви
<i>Мих. Булгаков</i>	— Иван Васильевич, Мертвые души
<i>Л. Ржевский</i>	— Через пролив
<i>Виктор Свен</i>	— Уже пора
<i>Юрий Джанумов</i>	— С т и х и
"Мосты", альманах	— №№ 11, 12, 13/14, 15
"Мосты", сборник	— К 50-летию революции
<i>Александр Бахрах</i>	— Бунин в халате